— AN ASSASSIN'S CREED® SERIES —

ПОСЛЕДНИЕ ПОТОМКИ

МЭТЬЮ КИРБИ

Assassin's Creed

Мэтью Кирби

Assassin’s Creed. Последние потомки

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кирби М. Д.

Assassin’s Creed. Последние потомки / М. Д. Кирби — «АСТ», 2017 — (Assassin's Creed)

ISBN 978-5-17-982654-5

Вся жизнь Оуэна пошла наперекосяк с того момента, как его отец был обвинен в преступлении, которого не совершал (Оуэн полностью уверен в этом), и умер в тюрьме. Однако Монро, системный администратор из школы, предполагает, что может помочь Оуэну восстановить доброе имя отца, позволив воспользоваться «Анимусом» – устройством, которое дает пользователям возможность исследовать генетические воспоминания, покоящиеся в ДНК. Правда, опыт, полученный мальчиком в «Анимусе», оказывается гораздо шире, чем он мог себе представить. Во время стимуляции Оуэн открывает существование древней и могущественной реликвии, которая долгое время считалась всего лишь легендой – Трезубца Эдема. Теперь две секретные организации – Братство Ассасинов и Орден тамплиеров – ни перед чем не остановятся в стремлении завладеть этим артефактом. Очень скоро становится ясно, что Оуэну придется найти реликвию первым, чтобы спастись. Под руководством Монро Оуэн и еще несколько подростков отправляются в общее воспоминание, хранящееся в их ДНК – 1863 год, Нью-Йорк, Призывные бунты. Ребята подвергнутся испытанию на прочность среди жестокости, царящей на улицах Нью-Йорка, а их опыт, проживаемый в прошлом, окажет огромное влияние на настоящее.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-982654-5

© Кирби М. Д., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 28
Глава 5 34
Глава 6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Мэтью Дж. Кирби
An Assassin's Creed series. Последние потомки

Matthew J. Kirby
An ASSASSIN'S CREED Series: LAST DESCENDANTS #1
Печатается с разрешения Scholastic Inc., и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© 2017 Ubisof Entertainment. All Rights Reserved. Assassin's Creed, Ubisof, and the Ubisof logo are trademarks of Ubisof Entertainment in the U.S. and/or other countries.
Издание на русском языке опубликовано ООО "Издательство АСТ". Печатается с разрешения Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Пролог

Нью-Йорк-Сити, 1863 год

Информатор, сидевший по ту сторону обеденного стола, прокашлялся. Его длинный сюртук был расстегнут, а зализанные волосы завивались у висков. Вечерняя тьма быстро окутала дом, и гость опустошил тарелку прежде, чем озвучить сообщение. Босс Твид терпеливо позволил ему это сделать. Его власть в Нью-Йорке всегда держалась на том, что он мог дать людям, на аппетитах, которые он мог разжечь, и на жадности, которой он мог манипулировать.

– Это правда, – в конце концов произнес осведомитель. – В городе появился ассасин.

Твид с чавканьем употребил очередную соленую устрицу.

– Вы уже знаете его имя?

– Пока нет, – ответил информатор. – Но кто-то нанял Редди Кузнеца, чтобы ребята с Бауэри держались подальше от всего этого.

Твид объединил свои силы и теперь был самым влиятельным человеком в Нью-Йорке. Он управлял политическими механизмами Таммани-Холл, а через них – ящиками для голосования и событиями на улицах. Сеть его шпионов и политики из Вашингтона уже предупредили его об ассасине, действующем в Нью-Йорке. Ходили слухи, что Братство хотело использовать надвигающуюся гражданскую войну, чтобы осуществить атаку. Возможно, оно даже узнало о плане тамплиеров.

– Без Бауэри-бойз, – сказал Твид, – мятежники потерпят поражение.

– Это не проблема, босс…

– Бандам Файв-Пойнтс и Уотерфронта без них не хватит сил.

– Бауэри в деле.

– Верю. Но нам все равно необходимо знать имя этого ассасина и выяснить, что нужно Братству.

– Я наведу справки.

Твида это не удовлетворило и не успокоило. Было бы ошибкой недооценивать ассасина.

– Будь осторожен, – сказал он. – Нам нужно вывести Братство на чистую воду, а не загнать их еще глубже в тень.

Он макнул кусок ростбифа в коричневый соус на тарелке и съел его.

– Конечно, босс, – информатор окинул взглядом еду, оставшуюся на столе, и облизнулся, словно пес. Но Твиду было известно: истинная сила в том, чтобы держать подчиненных в состоянии, когда им хочется большего.

– Это все. Возвращайся, когда узнаешь имя, не раньше.

Информатор кивнул.

– Да, босс.

Затем он поднялся и покинул комнату, а Твид продолжил трапезу.

На улице информатор, все еще голодный, двинулся в поисках остановки омнибуса, следующего в центр. На город опустилась ночь, но свет поддерживался с помощью газовых фонарей. Он шел мимо театров, ресторанов и салунов, набитых посетителями, которые наслаждались небольшой передышкой от дневной жары. Некоторое время спустя он добрался до бандитского клуба в доме номер 42 по улице Бауэри, и это не ускользнуло от наблюдавших за ним глаз. Тень, сидевшая на карнизе на высоте трех этажей над улицей, осталась незамеченной.

Взгляд был весьма терпеливым, и когда осведомитель спустя несколько часов вышел из дома 42, слегка покачиваясь от выпитого, тень спустилась и бесшумно последовала за ним.

Информатор не был достаточно осторожен. Через несколько кварталов, недалеко от аллеи, ассасин сделал свой ход… блеск спрятанного клинка, быстрый беззвучный удар… Тело нашли только утром.

Глава 1

Оуэну нужно было знать.

Он уже все знал, но ему нужны были доказательства. Чтобы можно было убедить остальных, в том числе и дедушку с бабушкой, в невиновности его отца. Судебная система дала сбой, но общественность это не волновало. Его отец отправился в тюрьму за убийство, которого не совершал, и умер там от дурацкого аппендицита, прежде чем Оуэн успел с ним проститься. Так что теперь Оуэну предстояло выяснить, что на самом деле произошло в ночь ограбления банка.

Он надеялся, что Хавьер поймет. Они дружили с третьего класса, с тех времен, когда жизнь Оуэна еще не полетела ко всем чертям. Правда, последнее время они не были так близки, как в начальной и средней школе, но Оуэн все еще полагал, что может рассчитывать на Хавьера.

– Ну что, пойдешь со мной? – спросил он.

Они стояли возле здания школы, во дворе сбоку от здания, рядом с пустой стойкой для велосипедов, с которой облезла краска. Трое друзей Хавьера – парни, с которыми Оуэн не был знаком, – переминались в сторонке, наблюдая за ними и разговаривая между собой.

– Не знаю, – ответил Хавьер.

– Не знаешь?

Хавьер не ответил, только продолжал пялиться.

– Ну, давай. Ты знаешь все эти технические штуки лучше меня. Лучше всех, – Оуэн искоса взглянул на друзей Хавьера. – Даже если никто больше об этом не знает, я в этом уверен, и ты тоже.

Хавьер также оглянулся на своих друзей. Он не улыбнулся, не рассмеялся, он даже не изменил выражение лица в течение нескольких минут, прошедших с момента, когда Оуэн подошел к нему и рассказал свой план. Стоявший перед ним Хавьер, казалось, был совсем не тем человеком, которого Оуэн когда-то знал. Это был Хавьер, которого Оуэн впервые встретил после того, как его отца посадили в тюрьму, а его мать решила переехать к своим родителям. Новый район, новая школа. Новые хулиганы, задиравшие его.

– Я подумаю над этим, – сказал Хавьер. – Мне надо идти.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Точно? – спросил Оуэн.

– Что точно? – обернулся Хавьер.

– Подумаешь?

– Сказал, что подумаю, значит, подумаю, – ответил Хавьер и удалился.

Оуэн наблюдал, как он вернулся к своей компании. Он был не уверен, что их можно было назвать друзьями – этих ребят, от подобных которым Хавьер раньше защищал его. Когда Хавьер подошел к ним, они стали вопросительно кивать, указывая в сторону Оуэна, а тот лишь пожал плечами и помотал головой.

Оуэн понятия не имел, чем Хавьер теперь занимался и как они дошли до этого – всего за пару лет превратились из лучших друзей в совершенно чужих людей. То же самое было у Оуэна и с матерью. Три года назад он думал, что смерть отца сблизит их, но она, напротив, разъединила их, будто поместив на разные острова. Континентальный дрейф начался постепенно, но был непрерывен и сопровождался землетрясениями.

Оуэн покинул территорию школы и побрел к дому бабушки и дедушки. Присоединится к нему Хавьер или нет, не важно. Он решил, что пойдет этим же вечером. У него не было выбора. Это было его решение. Ему необходимо было знать.

Открыв входную дверь, Оуэн увидел бабушку, сидящую в кресле в гостиной. Она смотрела телешоу, которые, кажется, показывали дольше, чем Оуэн себя помнил. Когда он вошел, ее кот Гюнтер спрыгнул с колен, похоже, впился когтями в бедра под халатом, потому что бабушка вскрикнула и слегка дернулась. Гюнтер мяукнул и, задрав хвост, подошел, чтобы потереться о ногу Оуэна. Оуэн нагнулся и почесал кота за ушами.

– Привет, бабушка.

– Привет, – сказала она, заглушая звук аплодисментов. – Как в школе?

– Хорошо, – ответил он.

– Как оценки?

– Как и вчера.

– Нужно подтягивать, – сказала она. – Оцени важность образования. Ты же не собираешься закончить, как твой отец.

Оуэн слышал это много раз. Эта фраза больно ранила и, словно товарный поезд, тащила за собой груз каждой ссоры, каждой слезинки, каждого шепота и каждой перебранки между матерью и ее родителями, которые случались во время судебного процесса и после. Родители матери ненавидели отца еще до того, как она вышла за него замуж, а после его смерти возненавидели память о нем еще больше. Отец Оуэна был для них неким «призрачным козлом отпущения», тенью, которая могла быть настолько ужасной, насколько это им требовалось, которую можно было обвинять в чем угодно. Во всем подряд.

Оуэн сразу научился не защищать этот призрак, но ему это и не нужно было. Его отец был не виноват, и скоро все об этом узнают.

– Я подтяну оценки. Где дед?

– На заднем дворе, возится с газонокосилкой. Может, ему нужна твоя помощь.

Оуэн внутренне ухмыльнулся. Его деду никогда не требовалась никакая помощь, тем более с мотором. Это означало, вероятно, что дед хочет о чем-то поговорить. Оуэна это пугало, но он знал, что избежать разговора не удастся, поэтому он кивнул.

– Пойду погляжу.

Он прошел через гостиную по старому ковру, который был то ли настолько устойчив к пятнам, то ли за ним так хорошо ухаживали, что старики считали затраты на покупку нового неоправданными. Стены, покрытые бежевой штукатуркой, были увешаны живописными полотнами, тщательно подобранными бабушкой. На кухне он схватил апельсин из миски с фруктами, стоявшей на столе с пластиковым покрытием без единого пятнышка. Затем он вышел во двор через сетчатую дверь, которая со скрипом распахнулась и с грохотом захлопнулась за ним.

Маленький двор был вылизан до такой степени, что смотрелся пластиковым. Он представлял собой амебообразный ковер из густой травы, окруженный клумбами и кустами. Несколько авокадо и апельсиновых деревьев росло рядом с шестифутовым решетчатым забором, обозначающим границы бабушкиной империи. Оуэн прошел по плиточной дорожке вдоль задней стороны дома к дедушкиному посту – мастерской, которую на его памяти никогда не называли гаражом, хотя по сути она им и была. Внутри дедушка склонился над старой газонокосилкой под единственной флюоресцентной лампой, болтающейся сверху. Он был одет в старый передник и джинсовый комбинезон, который носил с тех пор, как Оуэн был совсем маленьким.

– Это та, которая на продажу? – спросил Оуэн.

– Не, – ответил дед. – Это починить. Эгертонам, которые дальше по улице.

– За деньги?

– Нет, – сказал он. – Но они небось все равно попытаются мне заплатить.

– Бабушка говорит, это она должна им приплачивать за то, что они находят для тебя занятие.

Дедушка усмехнулся.

– Откуда мы знаем, может, она так и делает?

Оуэн надкусил кожуру апельсина, чтобы почистить его, почувствовал горечь, а затем вцепился в нее ногтями, обдирая плод и брызгая соком.

– Не пачкай мне пол, – сказал дед.

Оуэну всегда казалось, что в месте, которое зовется мастерской, вполне можно капнуть соком на пол, но у его деда была не такая мастерская. Там не было ни единого инструмента, или детали, или бутылки с химикатами, которые стояли бы не на своем месте.

– Бабушка уже спрашивала тебя об оценках?

– Спрашивала.

– То есть, я могу не спрашивать?

– Ты вроде как уже спросил.

Дед отвлекся от газонокосилки.

– И то правда.

Затем он поднялся с деталью в руках и пошел к верстаку у противоположной стены, где принялся возиться с ней, повернувшись спиной к Оуэну.

– Я на днях видел твоего старого друга. Как его звать? Хавьер?

– Да? – Оуэн съел дольку апельсина. Она была сладкая, без кислинки, немного терпкая.

– Я давно его здесь не видел, – продолжил дед. Оуэн ничего не ответил, просто откусил еще. – Вы еще дружите с ним?

– Вроде того. Не особо.

– Мне не понравились парни, с которыми он был. Бандиты.

– Как ты узнал? – спросил Оуэн.

– По ним видно.

– Звучит как-то по-расистски, дед. Хавьер не бандит.

– Надеюсь на это. Он вроде всегда был хорошим малым.

Оуэн доел оставшиеся дольки апельсина, испачкав соком подбородок. Дедушка все еще возился с запчастью газонокосилки, повернувшись к нему спиной.

– Ты же держишься подальше от этих ребят, да?

– Дед, – сказал Оуэн, – прекрати.

– Просто хотел убедиться. Район уже не тот, каким он был, когда мы с бабушкой только приехали сюда. Он оставался относительно приличным, еще когда твоя мама росла здесь, до последних лет ее старшей школы.

В это время его мама познакомилась с отцом, но дедушка об этом не упомянул, хотя Оуэн и знал, что он об этом подумал.

– Я уже старый, я никогда не уеду из своего дома. Но я не выбрал бы это место для того, чтобы твоя мать растила тут тебя. Это больше не то место.

– Я не в банде.

– Знаю, что нет.

– Зачем мы тогда об этом говорим?

Дедушка обернулся. Свет флюоресцентной лампы отражался от его лысины.

– Я просто хочу, чтобы ты был осторожен. Тебе пятнадцать. Я больше, чем ты думаешь, знаю о детях в этом возрасте. Легко пойти не тем путем. Хочется принадлежать к какому-то обществу. Ты думаешь, что можешь справиться с этим, но прежде, чем ты поймешь, что все не так просто, уже по уши окажешься в скверной ситуации.

Время, проведенное с дедушкой в мастерской, всегда проходило примерно так. Для деда это был шанс поработать с Оуэном, понастраивать его, будто тот был мотором. Оуэн знал, что дед это делал из добрых побуждений. И бабушка тоже. Но они были неправы насчет многих вещей.

– Просто, – дедушка покачал головой и повернулся обратно к верстаку, – просто будь осторожен. Тебе уроки задали?

– Сделал в школе.

– Отлично. Тогда двигайся дальше.

– Школа – это конвейер. Как можно двигаться дальше за конвейером?

Дедушка снова усмехнулся.

– Умник ты. Иди домой и выучи что-нибудь.

Оуэн улыбнулся и вышел из мастерской, вернулся по плиточной дорожке к задней двери. Войдя в дом, он обнаружил, что бабушка выключила телевизор и теперь возилась на кухне, нарезая морковь, рядом на столе стояла большая миска и лежала куча еще не нарезанных овощей.

– Как там дела? – спросила она.

– Хорошо, – ответил Оуэн. – Ты тоже думаешь, что я прибился к банде?

– Он имеет право волноваться, – сказала она. – Много хороших парней здесь связались с дурными компаниями. Трудно забыть то, что случилось с твоим отцом.

– Да, вы с дедушкой позаботились об этом, – Оуэн пошел к выходу. – Я буду в своей комнате.

Бабушка отложила нож.

– Мы просто хотим, чтобы такого не случилось с тобой.

Оуэн ничего не ответил, потому что если бы он открыл рот, это закончилось бы неприятностями. Так что он последовал прочь, через гостиную и прихожую в свою спальню. Зайдя туда, он пнул ворох одежды, чтобы убрать ее с прохода и запереть дверь. Пару минут он просто стоял, глядя в потолок и тяжело дыша.

Он знал, что его отец не всегда был идеальным. У него были проблемы в старшей школе, мелкое воровство в магазинах и вандализм, но ничего особо серьезного. Ничего такого, что испортило бы ему жизнь после 18 лет. Он вырос из всего этого. Человек, которого Оуэн знал, много работал, оставался с незапятнанной репутацией и даже без диплома колледжа умудрился перевезти семью в пригород, усаженный деревьями, с велосипедами на лужайках перед домами, где у каждого подъезда стоит по две хорошие машины. Но бабушка и дедушка Оуэна никогда ничего этого не брали в расчет. Они видели только старшеклассника-панка, и после того, как отца арестовали, в течение всех месяцев, что длился суд, от них было слышно только «Вот видишь? Мы всегда были правы», адресованное матери. Но они были неправы. Ни они, ни суд, ни присяжные.

Оуэн дошел до стола с компьютером и рухнул в кресло, обрушив башню из пустых банок от содовой возле монитора. Он рассчитывал на Хавьера, чтобы убедиться, что технология была безопасна и работала правильно, но если Хавьер не объявится, Оуэну придется справляться со всем этим самому. Он ударил по клавиатуре, чтобы вывести компьютер из спящего режима, запустил онлайн-поиск и начал читать про «Абстерго Индастриз», «Анимус», что-то под названием Хеликс и про эти безумно дорогие игровые консоли. Все статьи были шумихой на корпоративном языке, до блеска отполированной пиарщиками и ни о чем не говорящей. Он почитал еще немного форумов, в основном – предупреждения и параноидальные тирады о теориях мирового заговора с участием «Абстерго». Но какая международная производственная корпорация не имела отношения к сговорам и заговорам? Это, по мнению Оуэна, было в порядке вещей.

Спустя некоторое время бесплодных поисков мама вернулась с работы, из копировального центра. Оуэн услышал, как закрывается входная дверь, услышал приглушенный голос в гостиной, разговор с бабушкой, а затем, несколько мгновений спустя, стук в дверь спальни. Оуэн закрыл браузер.

– Заходи.

Дверная ручка повернулась.

– Заперто.

– Ой, извини, – Оуэн выскочил из своего кресла и открыл дверь. – Забыл.

– Все в порядке? – мама стояла в коридоре, одетая в форменную голубую рубашку поло, ее волосы были забраны назад, и возможно, среди них со вчерашнего дня появилось еще несколько седых.

– Да, все хорошо, – ответил он. – А что?

– Бабушка сказала, что у вас с дедом был разговор.

Оуэн пожал плечами.

– Он ничем не отличался от остальных разговоров, которые у нас бывают раз или два в неделю.

– Похоже, встреча с Хавьером его насторожила.

Оуэн закатил глаза.

– Он не бандит.

– Ладно, – она подняла руки с короткими красными следами от свежих порезов о бумагу.

– Как скажешь. Но, знаешь, это неплохо – то, что твои бабушка и дедушка волнуются.

– Правда?

– Это значит, что им не все равно.

Оуэн пошел прочь от открытой двери, упал на кровать и, лежа на спине, убрал руки за голову.

– Я бы так не сказал.

Она вошла в комнату.

– Тогда как бы ты сказал?

– Я бы сказал, им нужно только, чтобы я не пошел и не ограбил банк, как отец.

Его мать остановилась и выпрямилась, как будто наткнулась на невидимую стену.

– Не говори так.

– Но об этом они и думают.

– Я не это имею в виду. Просто… не говори так.

– Почему нет? Ты ведь тоже в это веришь. Или, по крайней мере, не отрицаешь этого, когда они об этом говорят.

– Оуэн, пожалуйста. Я не могу… – она бросила взгляд на дверь.

– Не важно, – он закрыл глаза. – Что есть, то есть.

Его мама еще минуту постояла, а затем он услышал, как она пересекла комнату, продираясь сквозь его вещи, наступая на обертки от еды, и захлопнула за собой дверь.

Позже тем же вечером, поужинав и помыв посуду, Оуэн слушал, как мать легла в соседней комнате, как дед спустился в зал. Это было за пару часов до того, как бабушка выключила смех и саксофонную музыку очередного позднего ток-шоу и отправилась спать. Вот тогда-то Оуэн встал, все еще одетый, натянул толстовку с капюшоном и выскользнул из комнаты. Входная дверь издавала слишком много шума, поэтому он вышел через черный ход, осторожно, чтобы сетчатая дверь не хлопнула за ним.

Ночь была прохладной, ветер гнал несколько газетных страниц по улице. Его дедушка и бабушка поддерживали свой участок в образцовом состоянии, но многие соседи этого не делали. У тех, кто поливал лужайки, росли в основном сорняки. У тех, кто не поливал, во дворах была грязь. Тротуар прогнулся и потрескался еще до того, как Оуэн приехал сюда, но с тех пор его никто так и не починил, и тот, кто не знал местную топографию, мог легко споткнуться в темноте. Оуэну пришлось бежать, чтобы успеть на последний автобус, проходивший мимо дедовского дома. Но он успел и уже скоро смотрел сквозь собственное отражение в окне на остающиеся позади улицы, двигаясь к месту, адрес которого дал ему Монро.

Это был даже не адрес, а участок среди каких-то складов и фабрик на окраине города. Он дважды пересаживался с одного автобуса на другой – к счастью, нужные маршруты ходили всю ночь, а затем, чтобы попасть, куда нужно, прошел пешком милю или около того мимо разрисованных граффити стен многоэтажек и темных закрытых витрин. Та часть промзоны, в которую он в конце концов попал, казалась заброшенной, с запертыми на замок дверьми, разбитыми окнами и сорняками, заполонившими небольшие участки земли между строениями. Нечасто попадавшиеся фонари оставляли на земле желтые пятна цвета блевотины. Оуэн начал удивляться, уж не держит ли Монро его за идиота, но затем увидел автобус, припаркованный в тени. Он был не похож на автобусы, на которых Оуэн добирался сюда. Этот был старым, с выпуклыми крыльями, а между ними виднелся закругленный выгнутый капот с широкой угловатой решеткой спереди. Такую модель наверняка хотел бы иметь какой-нибудь коллекционер старинных автобусов, если в мире вообще существуют люди, собирающие классические автобусы. Сам он был коричневым, а окна затемнены, но почему-то он не выглядел таким заброшенным, как все вокруг. Сзади по гравию прошуршали шаги, и Оуэн резко обернулся.

– Расслабься, – сказал Хавьер. – Это я.

Он был одет в белую кофту с капюшоном и держал руки в карманах.

– Спасибо, – Оуэн кивнул в сторону автобуса, – это оно.

– Ты уверен? – спросил Хавьер. – Что эта штука трахнет твой ДНК? Или мозг?

– Уверен, – ответил Оуэн. – Я должен знать. К тому же другие ребята это делали.

– Это я слышал. Монро сказал тебе, что это сработает?

– У нас не было времени это обсуждать. Он просто сказал мне встретиться с ним здесь.

Хавьер пожал плечами.

– Тогда пойдем выясним.

Глава 2

Оуэн подошел к передней двери автобуса и постучал костяшками пальцев. Затем сунул руки в карманы в ожидании. Хавьер стоял позади него. Когда дверь наконец со скрипом открылась, вокруг нее разлился холодный свет, голубой, как гостиничный бассейн, и обрисовал силуэт в проходе.

– Рад, что ты сумел выбраться, Оуэн, – сказал Монро глубоким звучным голосом. – Я смотрю, ты взял с собой друга. Ну, заходите.

Он развернулся и скрылся в глубине автобуса. В школе все знали Монро, системного администратора. Все его любили, за исключением, может, некоторых учителей. Оуэн и Хавьер поднялись по узкой лестнице и проследовали за ним.

Интерьер автобуса был полной противоположностью его внешнему виду – полностью отделанный гладкими белыми панелями, освещенный лампами дневного света, вмещающий множество компьютерных мониторов. Внутри пахло пластиком и озоном. В задней части помещалось эргономичное мягкое кресло. Монро стоял слева от него, одетый в то же самое, в чем он умудрялся приходить в школу, – выцветшие джинсы, кеды Converse и фланелевую рубашку поверх футболки с концерта неизвестной Оуэну группы. У него были каштановые волосы до плеч и козлиная бородка. Оуэн не мог точно определить, сколько ему лет. Может, сорок с лишним? Пятьдесят с небольшим?

– Хавьер, правильно? – спросил Монро Хавьера, поднявшегося по лестнице вслед за Оуэном.

– Как вы узнали? – спросил Хавьер.

Монро щелкнул пальцами и похлопал себя по темени:

– Эйдетическая память, парень.

– Это как фотографическая память? – спросил Оуэн.

– Нет, – ответил Хавьер. – Это не то. И это все еще не объясняет, как вы узнали мое имя.

– Я много времени провел за работой с базой данных учащихся, – сказал Монро. – Наверное, я узнаю почти любого ученика.

Этот ответ, похоже, не удовлетворил Хавьера, оглядывавшего автобус, скрестив руки.

– Ну, и что это такое?

– Это? – Монро распростер руки. – Это вы.

– Ух ты, – произнес Хавьер унылым голосом.

– Расслабьтесь, – сказал Монро. – Я имею в виду, что все это окажется внутри вас.

Он ткнул пальцем в грудь Оуэна.

– В вашей ДНК.

– Ага, – ответил Хавьер. – Я об этом. Это все происходит здесь? Не похоже на консоли «Анимус», которые я видел в интернете.

Оуэн осознал, что Хавьер самостоятельно порылся в информации, прежде чем идти сюда.

– Это потому, что в интернете и в магазинах ничего и не найдешь об этой модели, – сказал Монро. – «Абстерго» молчит о ней. Эта машина основана на первом «Анимусе». Но я произвел несколько серьезных модификаций.

– То есть это все реально? – Хавьер шагнул вперед, внезапно проявив интерес.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «молчит» о ней»? – спросил Оуэн, вспомнив о том, как трудно было найти какую-либо информацию самостоятельно. – Коммерческая тайна или что?

– Типа того, – ответил Монро. – Открыто «Абстерго» продает «Анимус» как инструмент для поиска или даже устройство для развлечения. Достаточно дорогое, кстати.

– А как работает именно это? – спросил Хавьер.

– В основном точно так же, – сказал Монро. – Я беру образец твоей ДНК, анализирую его и нахожу генетические воспоминания всех твоих предков, которые там хранятся. Заполучив их, мы можем создать симулятор этих воспоминаний, и ты можешь их исследовать.

Рассказывая, он то и дело поглядывал в сторону, через плечо Оуэна, но не так, будто бы избегал зрительного контакта, а так, словно его сознание частично находилось где-то в другом месте.

– Так чем эта машина отличается? – поинтересовался Хавьер.

Монро нахмурился.

– Другие модели могут получить доступ к воспоминаниям каждого, чьи образцы ДНК присутствуют в облаке «Абстерго»…

– Я читал, что всеми этими симуляциями управляют, – перебил Хавьер. – Управляет «Абстерго».

– Как управляет? – спросил Оуэн.

– Это похоже на реалити-шоу, – ответил Хавьер. – Но они подчищают всякий мусор, так что у тебя все равно не складывается вся история целиком.

– Именно, – сказал Монро. – Новейшие модели «Анимуса» предназначены для развлечения и служат интересам «Абстерго». Люди видят и воспринимают историю так, как это угодно «Абстерго». Правды там нет. А эта модель, – он положил руку на подголовник кресла, – может получить доступ именно к твоим воспоминаниям. Нетронутым. Это единственный способ выяснить правду, что бы ты ни искал.

– Как вы это сделали? – спросил Хавьер.

– Я работал на «Абстерго», – ответил Монро. – Очень давно. Еще вопросы есть?

Оуэн взглянул на Хавьера. Тот кивнул и сказал:

– Да, еще один. Зачем вы этим занимаетесь?

– Зачем ты этим занимаешься? Я пригласил Оуэна, а не тебя.

– Я здесь, потому что Оуэн мой друг, и я должен быть с ним.

Оуэн не считал себя сентиментальным, но отметил, что услышанное ему понравилось.

– Хорошо, – ответил Монро. – Дело в том… я занимаюсь этим, потому что я тоже кое-что должен.

По тону голоса Оуэн понял, что Монро не собирается распространяться об этом. Хавьер больше ни о чем не спрашивал, и Монро обратился к Оуэну.

– Так что за правду ты хочешь узнать? В школе у нас не было времени обсудить детали. Напомни, чьи воспоминания ты хочешь исследовать?

Оуэн глубоко вдохнул.

– Моего отца.

– О, точно. Отец – это важно, – кивнул Монро. – Что-то специфическое?

– Хочу знать, что случилось с ним одним вечером. 18 декабря. Пять лет назад.

– Оу. Если бы я знал. В этом случае я не могу тебе помочь.

Оуэн шагнул к нему.

– Что вы имеете в виду? Я только поэтому сюда и пришел. Вы сказали…

– Ты говорил, что хочешь попасть внутрь воспоминаний твоего отца, и я сказал «да». Это правда. Но ты не сказал, что тебе нужны его переживания всего лишь пятилетней давности.

– Но…

– Это просто невозможно, – сказал Монро. – Твоя ДНК содержит воспоминания твоего отца только до того момента, как ты был зачат, но не после. У тебя нет его генетической памяти о том моменте, когда тебе было – сколько там – десять?

– Он прав, – подтвердил Хавьер. – Я интересовался этим, но думал, может, есть что-то вроде новых технологий.

Оуэну показалось, что автобус вокруг него сжимался, стискивал его по мере того, как возрастали его гнев и злость.

– Тогда что мне делать? Как мне добраться до его воспоминаний о том вечере?

– Тебе нужен другой вид «Анимуса», – сказал Монро. – И образец ДНК отца, взятый после этого вечера. Только так можно проникнуть в код его генетической памяти.

Все мышцы Оуэна до того напряглись, что он задрожал.

– Но его в тот вечер арестовали. Они забрали его, и он больше не вернулся. У меня нет его ДНК.

– В таком случае мне очень жаль, парень.

Оуэну захотелось ударить ближайший монитор. Он пришел сюда, поскольку это был единственный способ. Единственная возможность доказать невиновность отца. Единственный вариант восстановить справедливость. Но оказалось, что это вовсе не выход. У Оуэна не было выхода, и он только теперь это осознал. Он оказался заперт в этой жизни, обречен слушать, как бабушка с дедушкой поливают грязью отца, смотреть, как мать без боя отказывается от собственных воспоминаний о нем.

– Если бы он достал ДНК отца, – спросил Хавьер, – вы бы это сделали?

– Абсолютно, – сказал Монро. – С помощью другого вида «Анимуса» и с образцом ДНК, взятым после той ночи.

Оуэн почувствовал руку Хавьера на своем плече.

– Может, твоя мама что-то сохранила? Что-то, что содержит его ДНК. Старую рубашку, может.

– У нас ничего такого нет, – сказал Оуэн. – Мама продала все, пытаясь сохранить дом. Но дом мы все равно потеряли.

В автобусе повисла тишина, нарушаемая только шорохом компьютерных вентиляторов, пощелкиванием и гудением жестких дисков. Оуэн не хотел уходить, потому что это означало бы, что он потерпел поражение, поэтому он просто стоял посреди бесполезных машин.

– Слушай, – сказал Монро, – я занимался этим какое-то время. В разных городах, в разных школах. Некоторые ребята приходили ко мне за острыми ощущениями. Другие, вроде тебя, приходили, потому что хотели найти ответы. Но все дело в том, что они редко находили те ответы, которые искали. Чаще всего это ничего не решало. Думаю, лучше было бы тебе спросить самого себя, почему это так важно для тебя.

– Что это значит? – воскликнул Оуэн. – Мой отец попал в тюрьму. За то, чего он не совершал. По-моему, очевидно, почему для меня это важно.

– Пойдем отсюда, – сказал Хавьер. – Этот мужик тебе ничем не поможет.

– А что насчет тебя? – спросил Монро, глядя на Хавьера.

Хавьер прищурился.

– А что насчет меня?

Монро кивнул в сторону кресла.

– Не хочешь попробовать?

– А как же ваша пафосная речь? Это ничего не решит.

– У тебя нет вопросов к «Анимусу», – сказал Монро, – но я вижу, что тебе интересно.

– Не делайте вид, что все про меня знаете, – сказал Хавьер.

– Я видел твои оценки по естественным наукам, технологии и математике, – отметил Монро. – Очень впечатляет. Если ты действительно тот парень. Тому парню было бы интересно.

Прошло мгновение, Хавьер ничего не возразил.

– Слушай, – сказал Монро, – я не пытаюсь тебя заставить. Поступай как знаешь. Но раз уж ты здесь, у тебя есть возможность некоторое время побыть кем-то другим.

Хавьер посмотрел на Оуэна, и Оуэн увидел знакомое выражение лица, которого он уже давно не видел. Монро был прав. В те дни, когда они еще были лучшими друзьями, Хавьер, увидев что-то, что пробуждало его любопытство, выглядел возбужденным, с нахмуренными бровями и ухмылкой. Сейчас он выглядел именно так, и Оуэн подумал, что, возможно, это и было настоящей причиной, по которой Хавьер пришел сюда.

– Ладно, – сказал Хавьер. – Я это сделаю.

– Хорошо, – сказал Монро. – Проходи, садись.

Затем он повернулся к консолям и мигающим огонькам. Хавьер проскользнул мимо Оуэна и прошел мимо компьютерного оборудования к креслу, в которое затем медленно опустился. Оуэн почувствовал прилив злости и негодования. Каким-то образом его бывший лучший друг делал то, зачем Оуэн сюда пришел. Хавьер должен был помочь ему, а не занять его место.

Хавьер улегся, положив руки на подлокотники. Монро сел рядом во вращающееся кресло и достал что-то вроде пластиковой перчатки, соединенной связкой проводов с основным компьютерным терминалом.

– Дай, пожалуйста, правую руку, – Монро открыл перчатку, словно раковину моллюска.

– Что это? – спросил Хавьер.

– Это сканер, – ответил Монро. – Он отправляет генетические данные в ядро «Анимуса» для анализа. Просто протяни предплечье.

Хавьер задрал рукав толстовки, и Монро надел перчатку на его вытянутую руку.

– Ты почувствуешь щипок – это забор крови, – сказал Монро.

Но Хавьер даже не дернулся.

– Хорошо, – Монро повернулся в кресле лицом к монитору и начал печатать.

Оуэн переместился туда, где он мог видеть экран, но ни одно открытое окно или прокручиваемый текст ни о чем ему не говорили.

– Эй, – тихо окликнул Хавьер, – Оуэн.

Оуэн повернулся к нему.

– Все в порядке?

Оуэн поежился:

– Да.

– Ты уверен?

– А это важно?

Хавьер не ответил.

Еще несколько мгновений Монро стучал по клавиатуре.

– Отлично. Очень многообещающе.

– Что там? – спросил Хавьер.

– Дай мне минуту, – сказал Монро. Еще стук по клавишам, еще больше вспышек на экране. Затем он оторвался от компьютера и взглянул на Оуэна.

– Давай кое-что проверим.

– Что? – спросил Оуэн.

– Соответствие генетической памяти, – Монро достал другую перчатку. – Дай руку.

Вместо этого Оуэн скрестил руки.

– Я думал, вы сказали…

– Это не касается твоего отца, – продолжил Монро. – Я хочу проанализировать твою совместимость с Хавьером.

– Что это значит? – спросил Хавьер.

– Если у каждого из вас были предки, которые присутствовали при одном и том же событии, – пояснил Монро, – ваши генетические воспоминания вроде как накладываются друг на друга. У вас будет общая симуляция. Совмещенные данные, кстати, делают визуализацию более надежной.

– То есть мы оба будем в этой симуляции? – спросил Оуэн. – Вместе?

– Да, – ответил Монро. – Это одна из моих собственных доработок. Что скажете?

Оуэна заинтриговало это предложение. Ему в некотором роде нравилось то, что Хавьер, в конце концов, не окажется на его месте полностью. Он вытянул руку, не спрашивая Хавьера, как он на это смотрит.

– Давайте начнем, – сказал Оуэн.

– Вперед, – Монро защелкнул перчатку на руке Оуэна. Оуэн почувствовал укол иглы, но постарался не вздрогнуть.

– Данные поступают, – сказал Монро. – Это займет всего пару минут – проанализировать их и выявить ваше соответствие.

Оуэн стоял рядом с креслом с подключенной к компьютеру рукой и смотрел на экран.

– Что, если у нас не окажется предков в одном и том же месте? – спросил Хавьер.

– Если у вас не будет соответствий, – ответил Монро, – я не смогу сгенерировать общую симуляцию.

Через несколько минут, когда «Анимус» закончил анализ, Монро воскликнул:

– Ух ты… у вас вообще-то несколько очень сильных пересечений.

– Несколько? – уточнил Оуэн.

– Да. Такое бывает крайне редко. Пути ваших предков пересекались несколько раз в разных местах и в разные моменты истории…

Он уставился в экран, как будто его разум все еще усиленно работал над чем-то.

– Так у нас получится? – спросил Хавьер.

Монро моргнул.

– Да. Точно. Хорошо, пока компилируются воспоминания, давай разместим Оуэна.

Он пошел в переднюю часть автобуса и вернулся с толстым ковриком для йоги. Монро развернул его на полу рядом с креслом.

– Не так комфортно, как в кресле, но тоже сгодится.

Оуэн лег на коврик, уставившись в потолок, над ним с кресла свисала рука Хавьера. Он чувствовал и слышал легкое гудение всех механизмов «Анимуса», которое пульсировало и передавалось ему через пол. Монро вытащил два черных закрытых шлема и помог Хавьеру и Оуэну их надеть. Забрало оказалось более легким, чем показалось Оуэну на первый взгляд, и комфортно погрузило его зрение в обволакивающую со всех сторон тьму. Шлем, в свою очередь, заглушил слух, будто бы развоплощая Оуэна.

– Ты меня слышишь?

Голос Монро звучал изнутри шлема.

– Да, – ответил Оуэн.

– Да, – отозвался Хавьер, и его голос исходил оттуда же, откуда и голос Монро.

– Тогда продолжаем, – сказал Монро. – Итак, это работает следующим образом. Первое, что я сделаю, это загружу коридор памяти.

– Это что? – спросил Хавьер.

– Симуляция перехода, – ответил Монро. – Можете считать это залом ожидания «Анимуса». Мгновенное полное погружение в симуляцию может быть ошеломляющим, даже разрушительным и с физиологической точки зрения, и для психики. Нужно облегчить этот момент. Как только вы подстроитесь под коридор, я запущу полную симуляцию. Готовы? Это будет необычно.

– Готов, – сказал Хавьер.

– Готов, – произнес Оуэн.

Прошла секунда, и на Оуэна ринулся поток – поток света, звука и ощущений, будто выходишь на солнце из неосвещенного помещения, и он никак не мог защитить глаза от этого. Ему оставалось только терпеть, пока зрение не восстановилось, нервы не успокоились, а все окружающее не оказалось в фокусе.

Он стоял посреди бескрайней серой бездны, пронизываемой треском молний. Вокруг него раздувались и вздымались облака тумана, время от времени превращаясь в геометрические фигуры, углы, которые уже напоминали что-то осязаемое – край здания или ветку дерева. Оуэн взглянул вниз и осознал, что он – это уже не он. Его грудь покрывала кольчуга, надетая поверх тяжелого клепаного кожаного дублета. Одежда была длинная, доставала почти до колен. Он был обут в высокие сапоги, закрывавшие голени, на руках у него были перчатки, а на поясе висела шпага в ножнах. Когда он повернул голову, в подбородок, раздражая кожу, впилась завязка, и тут Оуэн осознал, что у него была густая борода. Завязка удерживала на голове металлический шлем конической формы со слегка отогнутыми краями.

– Это ты? – спросил кто-то, стоявший сзади. Оуэн обернулся.

– Хавьер?

Фигура перед ним кивнула, но это был уже не Хавьер. Другое тело, другое лицо, другой голос. Человек средних лет с темной кожей был одет в набедренную повязку и плотную простеганную тунику, его руки и ноги оставались голыми. Обут он был в сандалии. Полосы белой и красной краски покрывали его лицо, а на голове виднелся убор из цветастых перьев, торчавших сзади.

– Ты похож на конкистадора, – сказал человек, которым был теперь Хавьер.

– А ты – на ацтека или типа того, – ответил Оуэн.

– Не совсем, – голос Монро зазвучал у Оуэна прямо в ушах и, как догадался Оуэн, в ушах у Хавьера тоже. – Ацтеки освоили большую часть Мексики, но не всю ее. Хавьер – воин тлашкальтеков. Их народ был одним из нескольких воевавших с ацтеками еще до появления европейцев.

– Откуда вы знаете? – спросил Хавьер.

– «Анимус», – ответил Монро. – Анализируя ваши генетические воспоминания, он экстраполирует эти сведения, используя известные исторические данные. Он же мне подсказывает, что Хавьер – полная противоположность твоему предку, Оуэн. Ты находишься в памяти конкистадора, солдата по имени Альфонсо дель Кастильо.

– А, – сказал Хавьер, – значит, твой народ завоевал мой народ.

– Снова не совсем, – сказал Монро. – Эрнан Кортес разгромил тлашкальтеков, но они впоследствии стали его союзниками в борьбе с более сильными ацтеками.

– Ой, – произнес Хавьер. – Прошу прощения. Похоже, твой народ просто принес моему народу оспу.

– Я даже не знал, что среди моих предков был конкистадор, – сказал Оуэн. Хотя, по его мнению, это был не повод извиняться.

– Похоже, ваша симуляция будет происходить в 1519 году, – сообщил Монро. – Прямо накануне победы Кортеса над тлашкальтеками.

– То есть, мы отправляемся в Мексику? – спросил Оуэн. – На сотни лет назад?

– Технически, – ответил Монро, – вы вообще никуда не отправляетесь. Вы все еще в моем автобусе. Но ощущаться это будет так, как будто вы куда-то движетесь. Вот потому-то мы и используем коридор памяти.

– И что теперь? – спросил Хавьер.

– Теперь, – ответил Монро, – я хочу, чтобы вы расслабились. Пройдитесь немного вокруг. Привыкните к нахождению в чьем-то теле, пока воспоминания не закончат компилироваться.

Оуэн шагнул, потом шагнул еще раз. Ощущения были странные. Ростом этот Альфонсо был ниже, чем Оуэн, иначе держал равновесие, у него были другие пропорции рук и ног. Когда к нему подошел Хавьер, Оуэн вытащил из ножен шпагу. Обмотанный кожей черенок венчало круглое золотое навершие, за ним следовала изогнутая дужка, которая охватывала руку над крестовиной. Трехфутовый клинок сверкал как серебро.

– Зацени, – сказал он Хавьеру и распорол клинком воздух. Сперва шпага лежала в руке как-то странно, тяжело и неуверенно. Затем он почувствовал покалывание в шее и в голове по мере того, как его разум становился чем-то вроде тяжести на задворках сознания. Когда он поддался этому давлению и отпустил собственные мысли, движения руки с оружием стали более отточенными и плавными. Он рубил, колол и парировал так, будто раньше делал это уже тысячу раз. Однако он знал, что никогда в жизни не держал в руках меча, и когда эта мысль противопоставляла себя давлению, он терял контроль.

– Осторожнее, – сказал Хавьер, отступив, когда лезвие едва не лишило его руки.

– Извини, – сказал Оуэн, уставившись на шпагу. – Это было странно.

– Что было странно? – спросил Монро.

Оуэн поднял глаза, как будто Монро был где-то сверху в этой серой бездне.

– Шпага, – ответил он. – Это было… как будто я знал, как управляться с ней.

– Ты знаешь, – сказал Монро. – Скорее даже Альфонсо дель Кастильо знает.

– Так это был он? – спросил Оуэн.

– У тебя есть доступ к его воспоминаниям, – сказал Монро. – Ко всем.

– Кажется, будто он хотел взять верх, – сказал Оуэн.

– В некотором роде да, – ответил Монро. – И в некотором роде тебе придется позволить ему это сделать. Симуляция управляется процессом синхронизации. Чтобы пережить воспоминания твоего предка, тебе нужно вроде как сесть на заднее сиденье и позволить предку делать то, что он делает.

– Значит, пока мы здесь находимся, мы ничего не контролируем? – спросил Хавьер.

– В симуляции у тебя есть некоторая свобода делать что-то свое, – ответил Монро. – Но это не путешествие во времени. Ты не можешь изменить то, что уже случилось. Ты можешь изменить воспоминание, и если ты отойдешь слишком далеко от его параметров, произойдет десинхронизация. Это разрушит симуляцию и либо выбросит тебя обратно в коридор, либо сразу обратно в наш мир. Так или иначе, это не самый приятный опыт.

– Как мы узнаем, что нам грозит десинхронизация? – спросил Хавьер.

– Вы почувствуете, – сказал Монро. – И симуляция начнет сбоить. Но старайтесь не беспокоиться об этом. Вы научитесь. Просто расслабьтесь. Весь смысл использования «Анимуса» в том, чтобы выбраться из скорлупы собственного разума и немного побродить в чужих мыслях.

Оуэн снова посмотрел на шпагу и убрал ее обратно в ножны.

– Готово.

– Хорошо, – сказал Монро. – Когда я поверну переключатель, это вас потрясет, и потрясет сильнее, чем когда вы попали в коридор памяти. Отнеситесь к этому спокойно, это пройдет. И еще одна вещь: когда вы перенесетесь, ваши предки могут оказаться не рядом друг с другом, но они будут достаточно близко, чтобы разделять одну и ту же симуляцию. Не рвитесь на поиски друг друга, иначе десинхронизируетесь. В любом случае, вы не сможете общаться друг с другом как нынешние вы. Усвоили?

– Понял, – сказал Оуэн.

– Вы готовы? – спросил Монро.

– Врубай, – ответил Хавьер.

Глава 3

Хавьер все еще не был уверен, что соглашаться на это было хорошей идеей. Но Монро был прав. Хавьер как-то подслушал пару ребят, которые говорили про «Анимус», и ему стало любопытно. Или, может, ему просто хотелось ненадолго выбраться за пределы собственной головы. Ведь его жизнь была такой запутанной и сложной.

Оуэн стоял перед ним в коридоре памяти. Только это был не Оуэн, это был один из его предков-конкистадоров, в шлеме и со шпагой, с которой он вроде как умел управляться. Хавьер не знал, насколько иначе выглядело сейчас его собственное лицо. Этот предок-тлашкальтек был старше, с больными суставами, и разум, который пытался уместиться в голове Хавьера, смотрел на мир совершенно чуждым образом. Хавьер использовал «Анимус», чтобы попасть в чужие мысли, но голова у него оказалась только еще больше забита.

– Ну, поехали, – сказал Монро прямо ему в ухо.

Коридор памяти обрушился с режущей глаза вспышкой света, и Хавьер почувствовал, как все его тело, более того, его разум подбросило, как на американских горках. Он задыхался и моргал, чувствуя тошноту и головокружение, в то время как зрение медленно рефокусировалось.

Он стоял в чистом поле, окруженном холмами, воздух был свежим, припекало солнце. Трава под ногами была высокой и упругой. В одной руке у него был деревянный щит, раскрашенный и покрытый перьями, в другой руке он держал что-то вроде деревянного меча, который по всей длине был покрыт острыми, словно бритвы, похожими на клыки обсидиановыми лезвиями. Хавьер откуда-то знал, что это называется макуауитль. Воины, экипированные подобным образом, стояли по обе стороны от Хавьера, но у многих не было таких головных уборов, как у него. Однако у некоторых они были еще более замысловатыми и возвышались, словно продолговатые короны с длинными лентами. Хавьер увидел человека, который нес что-то вроде знамени или штандарта, покрытого перьями, который поднимался вверх на шесть футов из-за его спины. У другого человека на голове было нечто, оказавшееся большой длинношеей белой птицей с крыльями, распростертыми высоко над макушкой.

Хавьер оглянулся через плечо, и увиденное потрясло его. Там были тысячи, возможно, десятки тысяч воинов. Они заполнили открытую равнину до самых краев, где начинались леса и холмы. Ревели рога, и голоса выкрикивали то, что могло быть только боевым кличем. Это была армия, идущая на войну. И Хавьер, похоже, оказался на передовой, так что бой был неизбежен. Он снова оглянулся, в панике, на сей раз в поисках выхода. Воин, стоявший рядом, смерил его хмурым озадаченным взглядом и произнес что-то на неизвестном Хавьеру языке.

– Что? – спросил Хавьер. – Я тебя не понимаю.

Тут же он почувствовал, что воспринимаемые образы становятся нечеткими по краям. Он перестал ощущать руки и ноги, будто они отсоединились от тела. Воин рядом выглядел еще более озадаченным и даже отодвинулся на шаг.

– Расслабься, – сказал голос в ушах. – Позволь своему предку поговорить.

– Монро?

– Да, я наблюдаю за твоей симуляцией.

Это несколько обнадежило Хавьера.

– Пусть воспоминание идет своим чередом. Пусть оно просто происходит.

Хавьер глубоко вдохнул. Он пытался расслабить разум и абстрагироваться от звуков, издаваемых огромной армией за его спиной, от неизведанного страха перед предстоящей

битвой. По мере того, как он это делал, он почувствовал что-то вроде барабанного боя, на фоне которого протекали его мысли, и слушая его, точнее даже усиливая звук, Хавьер ощущал готовность действовать, а стук становился все громче и громче, пока Хавьер не услышал еще чьи-то голоса. Это было похоже на мощнейшее и очень дезориентирующее дежавю. Одна часть его разума переживала что-то, в то же время другая часть вспоминала это. Барабанный бой и пронзительный голос стали оглушительными, и Хавьер наконец отказался от разума и воли, сражавшихся за контроль. Как только он это сделал, его собственный голос взорвался боевым криком на иностранном языке, который он теперь понимал. Воин рядом с ним приободрился, кивнул и тоже издал вопль. Сознание Хавьера стало кристально чистым, восприятие прояснилось.

Его звали Чимальпопока, он был благородным текухтли – предводителем воинов, не раз отличившимся на поле боя в сражениях с алчными и высокомерными ацтеками, угнетателями его народа. Но теперь на землю его народа пришел новый враг, прибывший с побережья и, как говорят, появившийся из-за моря. Бледнолицые пришельцы надвигались на них прямо сейчас верхом на своих ужасных оленеподобных зверях, со своими огненными орудиями, но здесь, на этой земле и в этот день люди бога Камаштли поработят их или убьют их всех.

– Думаешь, они и правда *теотль*? – спросил воин, который стоял рядом с Чимальпопокой.

– Не знаю, – ответил тот.

– Тотонаки и отоми говорят, что их нельзя убить. Их стрелы и копья – не что иное, как тростник. Их кожа – само железо…

– Железные у них только доспехи, – Чимальпопока пристально смотрел на линию дубов и сосен впереди. – Держу пари, под ними они истекают кровью.

– То есть, ты думаешь, нам не стоит пытаться заключить с ними мир, как сделали тотонаки?

– Я думаю, мы должны выполнять приказы нашего командования.

– Но даже отец Шикотенкатля, Старший, хочет, чтобы мы заключили мир. Я даже слышал сплетни, будто некоторые сегодня не собираются биться на этом поле.

– Они, должно быть, родились под знаком труса, – сказал Чимальпопока. Сам он был рожден под знаком первого оцелота, а это значит, что ему суждено было умереть военнопленным – эту судьбу он выбрал, чтобы мужественно встретить ее, но до сих пор она ускользала от него.

– Возможно, в том, чтобы сдержаться, заключается мудрость, – сказал воин, – а не трусость.

– Если это то, во что ты веришь, – ответил Чимальпопока, – тогда тебе, наверное, лучше присоединиться к тотонакам и построить этим теотлям город там, где когда-то была твоя ферма…

Снова громко затрубили рога, оповещая о приближении врагов. Чимальпопока приготовил щит и макуауитль, жадный до крови этих чужаков. Впереди, на некотором расстоянии, эти теотли, первые из них, появились из леса. Они шагали строем, держа щиты, верхом на своих оленеподобных зверях, в железных шлемах и с железными мечами. С ними было орудие, называемое пушкой, извергающее камень из своего нутра, сопровождая выстрел искрами и огнем. Его тащили предатели семпоала – союзники белых из Тотонакапана. Глядя на длинные черные орудия, Чимальпопока почувствовал страх, и вслед за ним испугался Хавьер.

Хавьер задумался о том, что будет, если его предок погибнет на поле боя. Он задался вопросом, будет ли он агонизировать, пронзенный шпагой или пораженный пушечным ядром. Хавьер знал, что его тело за пределами симуляции находится в полнейшей безопасно-

сти, но это не отменяло ужаса, поскольку его сознание находилось *здесь*. Реальность симуляции, запах дыма и пота испуганных воинов, ржание коней конкистадоров и вид их превосходного оружия – он знал, чем все это закончится, и хотел вытащить своего предка отсюда. Занятый этими мыслями и осознавший себя в своем уме, Хавьер сделал шаг назад с передовой. Симуляция утратила ясность, как будто высокое разрешение сменилось низким.

– Ты ускользаешь. Позволь всему идти своим чередом.

Это было трудно, особенно перед лицом целой армии испанцев, вооруженной пушками и шпагами, против которой – и Хавьер это знал – его деревянное орудие и щит мало чем помогут.

– Я пытаюсь, – ответил Хавьер.

– Ты не можешь ничего изменить. Это воспоминание. Просто попытайся помнить о том, что все это уже случилось пять сотен лет назад. Ты этого не избежишь, а если попытаешься, то рассинхронизируешься.

Часть этой фразы Хавьер воспринял как мантру. «Ты этого не избежишь, не избежишь, не избежишь». Это помогло ему мысленно вернуться в воспоминания Чимальпопоки, а симуляция вернула полноту и глубину. К ним двигались, пожалуй, всего четыре сотни теотлей – против десяти тысяч воинов-тлашкальтеков. Чимальпопока улыбнулся, будучи уверен, что эта битва скоро закончится. Он задумался, годится ли кровь теотлей так же, как и человеческая, для того, чтобы напоить богов. Он надеялся хотя бы одного взять живьем, чтобы жрецы принесли его в жертву на каменном алтаре.

Окружающие, похоже, были не так уверены, как он, но он подбодрил их боевым кличем, и они ответили тем же. Долина содрогнулась от их голосов и рева боевых рогов. Похоже, даже теотли дрогнули.

– С нами Камаштли! – крикнул Чимальпопока своим подчиненным. – Его знамения с нами в этот день!

Это воодушевило его людей. Когда враг достиг места, которое обозначил Шикотенкатль, Чимальпопока дал команду готовится, то же самое сделали и другие командиры, надвигаясь на теотлей со всех сторон, почти полностью окружая их.

Люди Чимальпопоки дали залп, их стрелы и копья обрушились, словно ливень, но большинство из них были отбиты щитами и скользнули по доспехами теотлей, не нанеся им вреда. Некоторые, впрочем, достигли плоти и вонзились в нее. Чимальпопока, ухмыляясь, несся через поле вместе со своими людьми, высоко подняв оружие. Но прежде, чем они достигли рядов противника, раздались залпы огненных орудий, сопровождаемые неисчислимыми раскатами грома.

Со всех сторон люди вздрагивали и падали в полушаге от Чимальпопоки, кровь лилась из зияющих рваных ран на их телах. Однако он мчался вперед, не замедляя шага, и вел своих воинов сквозь очередной взрыв пламени, а затем – сквозь град злых коротких стрел, пробивавших самые прочные кожаные доспехи. Но затем теотли ворвались в самую гущу сражения на своих зверях, они топтали людей и размахивали шпагами, рассекая их и сминая копытами.

Первые тлашкальтеки, добравшиеся до вражеской пехоты, ударили с правого фланга, но только поломали копья и обсидиановые зубы своих мечей о железные щиты чужаков.

Когда Чимальпопока наконец достиг переднего края, он уже ревел от ярости. Он обрушил свой меч на одного из теотлей с достаточной силой, чтобы поразить его, и тут же вынужден был уклониться от удара меча другого демона. И то же самое происходило по всему фронту. Чужаки держали строй, они прочно сомкнули ряды, противостоя атаке и не давая ни единого шанса поразить цель. Люди Чимальпопоки могли только рваться вперед, а затем отступать, надоедая захватчикам, но не нанося значительного урона. Они были не в состоянии сломить врага и несли тяжелые потери, пытаясь это сделать.

Чимальпопока почувствовал запах, который бывает, когда кровь смешивается с пылью, насыщая землю. Если ему суждено сегодня умереть, это будет достойная смерть. Он снова прыгнул вперед, поразив голову одного из наиболее высоких теотлей. Шлем этого демона по большей части принял удар на себя, но его шея сильно искривилась, и он отшатнулся назад – лишь для того, чтобы его тут же заменил другой воин, облаченный в металлические кольца. Чимальпопока встретился взглядом с чужаком, прежде чем уклониться, и то, что он увидел в этих чужих глазах, зажгло в нем огонь.

На деле сказки оказались правдой. У этих людей, если они вообще были людьми, была бледная кожа, их лица покрывали желтые волосы. Но Чимальпопока увидел *страх* в этих глазах. Это был страх воина перед смертью. Эти теотли были смертными, даже если и не вполне людьми.

В этот момент один из наездников вырвался вперед группы таких же, как он. Животное, защищенное доспехами, скакало и брыкалось, растаптывая людей и нанося им тяжелые увечья, тогда как меч всадника рубил и рассекал. Чимальпопока сконцентрировал всю свою ярость на них, этих ненастоящих богах, и отбросил щит. Затем он прорвался через ряды своих же людей к наезднику, двумя руками подняв макуауитль над головой. Он выскочил сбоку и, приблизившись, подпрыгнул и сверху вниз ударил оленя по шее. Зверь рухнул, даже не издав крика. Чимальпопока знал, что сломал ему шею – он почувствовал, как под обсидиановым клинком ломаются кости. Всадник скатился на землю, но быстро поднялся и стал остервенело размахивать мечом, хотя и некрепко стоял на раненой ноге. Чимальпопока хотел достать его в пылу битвы, но прежде, чем он смог это сделать, еще трое теотлей рванули к нему, выстроившись в ряд, чтобы защитить своего товарища. Вчетвером они вернулись к своим.

– Они демонстрируют преданность! – крикнул Чимальпопока. – Она у них есть, по крайней мере!

Врагов было четыре сотни, и они каким-то образом держали строй против десяти тысяч. Чимальпопока оглядел поле боя и понял, что численность тлашкальтекских воинов на самом деле послужила успеху врага. Воинов просто было слишком много для того, чтобы можно было эффективно маневрировать на этой равнине. У теотлей была другая стратегия. Их, похоже, в отличие от ацтеков, мало интересовали пленные, они сосредоточились только на том, чтобы защититься и убить или ранить атакующих.

Чимальпопоке не суждено было умереть в бою. Он осмотрел свой макуауитль и отметил, что некоторые зубья на клинке еще остались даже после того, как он ударил зверского оленя, которого его товарищи уже начали разделывать, чтобы унести с собой.

Он снова настиг врага, и удар его меча оглушил теотля, однако макуауитль лишился последних лезвий. На этот раз Чимальпопока не отступил, он помчался вперед, в образовавшуюся брешь, чтобы разорвать строй противника. Он сумел пробить себе путь между двумя металлическими щитами и оказался достаточно близко, чтобы почувствовать ужасную вонь немытых демонов. Он занес затупившийся макуауитль для второго удара, уже по внутренней линии врага. Но его окружили, и он почувствовал, как множество рук хватают его, бьют, бросают на землю и связывают. Они потащили его от места боя в центр своих рядов, где ему пришлось лежать на утоптанной земле, разглядывая кожу, которой чужаки защищали свои ноги, слушая, как воют тлашкальтеки, и не имея возможности что-либо сделать. От этого он заплакал, уткнувшись в траву. Не от страха, а от беспомощности.

Оттого, что такова была его судьба. Приближалась его смерть. Но какому темному богу теотли пожертвуют его и каким образом?

Бой продолжался, и кровь поливала равнину до тех пор, пока Чимальпопока не услышал сигнал рогов, призывающий к отступлению. Он мог означать лишь то, что текухтли пали. Вмиг враги поставили его на ноги и отступили к деревьям, тогда как их всадники

устремились за бегущей толпой тлашкальтеков. Вместе с пехотой Чимальпопока прошел несколько сотен родов[1] по лесу до лагеря, устроенного чужаками в поселении, жители которого, очевидно, бежали. Теотли, само собой, захватили храм, что, видимо, и объясняло их победу и указывало Чимальпопоке на место его смерти. С ними был их бог. Но какому богу они служили?

Один бледнолицый грубо схватил Чимальпопоку за руку. И хотя Чимальпопока не знал его, Хавьер узнал предка Оуэна – человека, которого он видел в коридоре памяти. Его сознание взяло верх. Он открыл рот и хотел было заговорить, но это мгновенно привело к повреждению симуляции и визуальным глюкам – некоторые деревья над ним распались на пиксели. Он вспомнил, что Монро велел им не говорить друг с другом, как если бы они были сами собой. Оуэн молча покачал головой, и Хавьер забаррикадировался от собственных мыслей, чтобы не выскользнуть из воспоминания. Медленно он восстанавливал синхронизацию, но все же чуть большая часть его оставалась на поверхности. Он хотел оставаться уверенным в том, что это Оуэн, но не рискнул заговорить с ним и десинхронизироваться.

Оуэн-теотль протащил Чимальпопоку через всю деревню к одному из домов и швырнул его внутрь. Чимальпопока сильно ударился, от удара у него перехватило дыхание, и несколько мгновений он хватал ртом воздух и пыль, а теотль тем временем удалился.

– Не борись с ними, – послышался голос из тени – это был еще один пленный воин-тлашкальтек. – Они не хотят причинить нам вред. Они хотят мира.

– Довольно странный мир, – ответил Чимальпопока и перевернулся на спину, чтобы взглянуть на говорящего. Тот был молод, возможно, он еще даже не захватил своего первого пленного для жертвы. Он ничего не знал. Его даже не связали, он спокойно сидел на земле, положив руки на согнутые колени.

– Мы напали *на них*, – сказал мальчишка.

– Думаешь, они не враждебно настроены? – спросил Чимальпопока.

– Так не должно быть, – ответил парень.

– Для меня только так и должно быть, – сказал Чимальпопока. – Это было в знамениях.

[1] Мера длины. 1 род равен 5,0292 метра.

Глава 4

Сначала Оуэн не узнал Хавьера, но теперь он был совершенно уверен, что оба они осознали, кем стал каждый из них, просто не могли быть самими собой внутри «Анимуса». Они вынуждены были делить одно на двоих воспоминание в образах враждующих предков, и это вызывало эмоциональный дискомфорт, который имел мало общего с тем, что они испытывали в реальности. Оуэну пришлось подавить его, чтобы вернуться в сознание Альфонсо. Сознание это было не лучшим местом. Альфонсо успел совершить несколько довольно отвратительных, мерзких поступков на Кубе и еще, пять месяцев назад, в Потончане, где жили майя. Оуэн не проживал непосредственно эти воспоминания и даже не хотел о них думать, но сама осведомленность о них придала определенную окраску битве, в которой он только что участвовал и победил.

Победа все еще удивляла Альфонсо. Вид воинов, собравшихся на равнине, едва не обескуражил его, но капитан заставил его собраться выкриком «За святого Иакова и Испанию!».

С Кортесом так обычно и бывало.

Этот лидер одержал победу над губернаторами-предателями и преодолел восстание убийц-мятежников. И несмотря на то, что условия экспедиции становились все более тяжелыми, люди продолжали верить в Кортеса. Даже когда он потопил их корабли у Веракруса, исключив любую возможность отступить, и заставил их застрять на этой чужой земле, где бродила лихорадка, Альфонсо отдавал Кортесу честь и был верен ему, и готов был делать то же самое хоть у врат ада. Туда-то они, похоже, и направлялись.

Теночтитлан.

Город, где восседает ацтекский император и где находится его сокровищница. Воображая золото и ту часть сокровищ, которая ему причитается, Альфонсо чувствовал, как у него закипает кровь. Но чтобы добраться до этого сказочного города, нужно было сперва сразиться с местным населением, которое – Кортес был убежден в этом – должно было стать их союзником. Эту стратегию Альфонсо не понимал и понять не мог. Он видел издалека языческие ритуалы, эту резню, которую они устраивали перед своими идолами. Этим кровожадным индейцам нельзя было доверять, однако Альфонсо верил Кортесу.

– Ты отвел нового пленника в дом? – спросил другой солдат.

– Отвел, – ответил Альфонсо.

– Он ранен?

– Не сильно.

– Хорошо. Капитан будет доволен. Дай им что-нибудь поесть.

Альфонсо кивнул и нехотя отправился к одному из костров, где готовили пищу. Там он нашел немного жирного мяса лысой собаки, каких местные индейцы откармливали и употребляли в пищу. Его он принес пленникам. Более молодой, которого схватили днем раньше, с благодарностью принял еду, но старший – новый, захваченный только что, отказался. Ничего, это не надолго. Кортес заставит их встать на свою сторону. Альфонсо занял пост охранника снаружи глинобитной хижины и принялся ждать. Ему повезло вернуться из боя без ранений, поэтому его назначили стеречь пленных. Не то чтоб этих индейцев нужно было охранять. По крайней мере, первого – точно нет. За вторым, только что схваченным – тем, что убил кобылу Хуана Седеньо, – все же нужно было присматривать. Он был кем-то вроде вождя, и он не был ни трусом, ни лентяем, какими были многие из них. Альфонсо им почти восхищался.

День прошел без нападений со стороны индейцев, и этот перерыв позволил похоронить погибших. Кортес велел провести все обряды тайно, в подполах домов, чтобы ни один

индеец не узнал, что теотли, как индейцы их называли, были смертными. К вечеру пленников навестила красавица Марина в сопровождении священника Джеронимо де Агиляра. Она была прекраснейшей индейской женщиной, которую Альфонсо только видел до сих пор, – рабыня, подаренная Кортесу и преуспевшая настолько, что теперь могла стоять рядом с капитаном. Священник был францисканцем, потерпевшим кораблекрушение и наполовину одичавшим за восемь лет жизни среди майя. Вдвоем они могли переводить слова капитана на язык этого региона.

При появлении двух фигур Альфонсо поднялся во весь рост, и кровь прилила к его щекам, когда темнокожая женщина вошла в дверь рядом с ним. Однако этот огонь быстро погас под осуждающим взглядом священника. Опустив глаза, Альфонсо проследовал за ними внутрь. Они подошли к новому пленнику, и Агиляр опустился на колени рядом с ним. Священник обратился к Марине на ее языке, языке майя, а она заговорила с пленником на ацтекском. Альфонсо не понимал ничего из сказанного ими, поскольку они ни слова не сказали по-испански. Он всегда чувствовал беспокойство, когда становился свидетелем таких разговоров, потому что не мог избавиться от мысли и страха, что все эти люди что-то замышляют. После нескольких слов, переданных по цепочке переводчиков, Агиляр стал разматывать веревки, которыми был связан пленник. Альфонсо шагнул вперед.

– Что вы делаете?

– Так приказал Кортес, – ответил священник.

– Но если он…

– Приказ Кортеса, – снова ответил Агиляр и на этом закончил, хотя Альфонсо не убирал руку с рукояти шпаги.

Вождь потер запястья в местах, где веревки врезались в кожу и где еще остались пятна лошадиной крови, которая засохла, потрескалась и отваливалась теперь, словно корка. Индеец что-то сказал Марине, и в его голосе звучали злость и воинственность. Она передала это Агиляру, и они, сменив порядок, продолжили разговор. Марина достала несколько стеклянных бусин и предложила их пленнику – взятка, замаскированная под подарок. Он отказался с нескрываемым отвращением.

– Что он говорит? – спросил Альфонсо священника.

– Он не будет сотрудничать, – Агиляр поднялся на ноги. – Он скорее согласится, чтобы мы принесли его в жертву нашему богу.

– Что? – произнес Альфонсо, и за его страхом Оуэн почувствовал страх за Хавьера. Но если бы он стал действовать, исходя из этого страха, симуляция прервалась бы.

– Я… не понимаю я этих дикарей, – сказал Альфонсо.

– Они верят, что если богам не принести кровавую жертву, солнце не встанет. Наступит конец света. Для них практика жертвоприношений – это не жестокость, а необходимый акт обновления, – пояснил Агиляр.

– Вы говорите прямо как один из них, – рискнул сказать Альфонсо. Но Агиляр не обратил внимания.

– Мне пришлось научиться понимать их.

– Тогда вы, должно быть, такой же дикарь, – выпалил Альфонсо, и от этих слов сознание Оуэна пришло в ужас.

– Но честь ты можешь понять, – сказал Агиляр. – Он верит, что такова его судьба – погибнуть в плену. Он не собирается бежать от нее. Он верит, что если станет нашим посланником, как того хочет Кортес, это будет значить, что он трус.

Марина хранила молчание, но слушала внимательно, как и пленники. Оуэну хотелось найти способ поговорить с Хавьером внутри этой симуляции, но он не видел такой возможности – по крайней мере, модель «Анимуса», которую разработал Монро, этого не позволяла. Было трудно просто взять и вжиться в тело и мысли этого конкистадора, его предка-

расиста. Оуэну было трудно признать, что в нем самом были эти воспоминания, что гены этого человека были вплетены в его собственную ДНК.

Марина что-то сказала Агиляру, священник кивнул и ответил. Затем оба направились к двери.

– Куда вы? – спросил Альфонсо.

– За капитаном, – ответил Агиляр.

– Но пленник не связан, – сказал Алонсо, указывая на пленного вождя.

– Я полагаю, ты присмотришь за ним, – сказал Агиляр и вышел вместе с индейской женщиной.

Альфонсо встал в дверях так, что его тень, раздутая и огромная, падала на пол перед ним. Первый пленник, более понятливый и смирный, мотал головой и довольно жестким тоном говорил с вождем. Затем он пошел в угол дома, где находился спальный коврик, и улегся спиной к собеседнику. Вождь не отвечал и не сводил с Альфонсо суровый взгляд, а дрожь его жесткой челюсти заставила того не убирать руку с рукояти меча.

Мгновение спустя из угла послышался храп, и Альфонсо еще раз про себя отметил лентяйство этих индейцев, хотя Оуэн желал, чтобы он заткнулся. Но не было способа заставить воспоминание замолчать. Ему нужно было терпеть, не имея возможности поговорить с Хавьером. Время шло, напряжение в хижине возрастало. Вдруг снаружи послышались голоса. Оуэн гадал, что испанцы намерены делать с Хавьером, если его предок снова откажется сотрудничать. Оуэн не знал, сможет ли он просто сидеть и смотреть, если с Хавьером случится что-то плохое. Но пока что он делал все возможное, чтобы не пересекать ту мысленную линию, которая отделяла его сознание от сознания Альфонсо. Хавьер, похоже, делал то же самое, чтобы они могли и дальше исполнять свои роли охранника и заключенного.

Кортес зашел в дом, все еще в доспехах, и солнце за спиной освещало его плечи, так что Альфонсо пришлось сощуриться из-за бликов. Марина и Агиляр проследовали внутрь за капитаном. Альфонсо кивнул.

– Осторожно, сеньор. Пленник не связан.

– Я знаю, – ответил тот. – Это не важно.

Голос капитана и спокойная манера, с которой тот держался, натолкнули Альфонсо на мысль, что ему и самому это уже не важно.

– Этих людей кормили? – спросил Кортес.

– Так точно.

– Я доволен, – Кортес повернулся к Агиляру. – Вы заверили его в наших мирных намерениях?

– Да, – кивнул Агиляр.

Оуэн недоумевал, как это вообще было возможно, учитывая сражение, в котором они столкнулись, но у Альфонсо, кажется, таких сомнений не было.

– Сделайте это еще раз, – приказал Кортес. – В моем присутствии.

Агиляр заговорил с Мариной, затем она перевела его слова пленнику. Когда она обратилась к пленнику, он, кажется, смягчился, а его голос звучал уже не так настойчиво, как раньше.

– Этот человек интересуется, когда его принесут в жертву, – сказал Агиляр.

– Скажите, что мы избавим его от этого, – произнес Кортес. – И наградим его дарами.

И снова последовала все та же схема переговоров и предложение стеклянных бус, которые капитан использовал, чтобы подкупить индейцев и переманить их на свою сторону. На этот раз пленник принял их.

– Он говорит, что не хочет бежать от своей судьбы, – сказал Агиляр. – Он верит, что ему суждено умереть в качестве военнопленного. И стать жертвой нашему богу.

– Скажи ему, что у меня на него другие планы, – велел Кортес. – Я хочу, чтобы он передал сообщение своему королю. Поступив таким образом, он станет инструментом для примирения между нашими народами. Если он мне поверит, я помогу освободить его страну от тирании Монтесумы и ацтеков.

Услышав перевод, пленник, прищурившись, взглянул на капитана. Альфонсо пытался уловить выражение лица этого человека, ожидая момента, когда индеец встанет на сторону Кортеса, потому что Кортес мог заставить любого стать его союзником. Пауза затянулась. Капитан смотрел на индейца с высоты собственной уверенности и власти. Он выглядел великолепно в своих доспехах, сжимая рукоять особенного кинжала, который он всегда носил сбоку. Это был подарок Шарля V, который, в свою очередь, получил его от Альфонсо V, правителя Арагона, а тому он достался от папы Каликста III.

В следующий момент глаза пленника расширились, и он кивнул. Он заговорил с Мариной, как показалось Альфонсо, почтительным тоном. Она перевела его слова Агиляру, а тот передал их Кортесу.

– Он станет твоим посланником, – сказал священник.

– Я доволен, – ответил Кортес, ослабляя хватку на рукояти кинжала.

– Что случилось? – послышался крик Монро, разко возвращая Оуэна обратно в воспоминание Альфонсо. – Что такое?

Оуэн не понимал, о чем он спрашивал. Прежде, чем он успел переспросить или ответить, Монро снова заговорил.

– Нужно прерваться, прямо сейчас. Может быть немного жестко. Держитесь.

Хижина взорвалась. Мир симуляции разлетелся на куски с очередной вспышкой яркого света, взрывающей мозг, разрывая фигуры Кортеса, Марины и Джеронимо де Агиляра. Дуга боли пронзила голову Оуэна, и он едва сдержался, чтобы не закричать, с силой зажмурившись, пока боль не прошла. Они снова оказались в коридоре памяти, все еще запертые в телах своих предков.

– Что за черт? – спросил Хавьер. – Почему ты нас вытащил?

– Ох, все сложно, – ответил Монро. – Симуляция чуть не стала нестабильной. Лучше было вытащить вас до того, как это произошло.

– Это еще нестабильнее, чем то, что сейчас случилось? – сказал Оуэн. – Мне казалось, у меня мозг горит.

– Извини, – ответил Монро. – Просто сиди смирно. Мне нужно кое-что проверить…

– Что проверить? – спросил Оуэн, но Монро не ответил ему.

– Ты веришь в это сражение? – произнес Хавьер. – Круто было, а?

– Да, – ответил Оуэн. – Если не считать, что мой предок был чудовищем.

– Ну, похоже, не такой уж он плохой, – сказал Хавьер. – Для конкистадора, я имею в виду.

– Ты не знаешь, что он творил, – произнес Оуэн, ощущая отполированное навершие шпаги, – а я не хочу об этом думать. Не спрашивай об этом.

– Не буду, – пообещал Хавьер. – По-моему, я догадываюсь. Он взглянул на свои руки и добавил:

– Чимальпопока тоже был ненормальный.

– Чимапо… что?

– Чимальпопока. Так меня зовут – в смысле, его. Неудобно получается, да?

– Нет. Я совершенно не похож на этого парня.

– Но все равно круто, правда?

Оуэн содрогнулся внутри Альфонсо.

– Думаю…

– Окей, – сказал Монро, – я готов вывести вас из коридора. Вы готовы?

– Более чем, – ответил Оуэн.

– Хорошо, конец симуляции. Три, два, один…

Коридор разлетелся на фрагменты, но более мягко, чем мгновение назад. Оуэн снова закрыл глаза, а когда открыл, он уже лежал на полу автобуса, уставившись в черную пустоту выключенного визора. Он стянул шлем и увидел над собой Монро, быстро отсоединяющего Хавьера от кресла.

– Так почему симуляция стала нестабильной? – спросил Хавьер.

– Этот «Анимус» не предусматривает общую симуляцию для двух человек, – ответил Монро. Он закончил отключать Хавьера и склонился над Оуэном, отсоединяя его и помогая встать на ноги. Его движения были быстрыми и грубыми.

– Мои доработки могут оказаться перегружены. Если это случится, все отключится.

– И ты отправил нас туда, зная об этом? – спросил Оуэн.

– Эх, да. Я знал, – ответил Монро.

Затем он вытолкал их из автобуса, проведи мимо мониторов к передней двери.

– Мне жаль. Я думал, он справится.

– Ничего не понимаю, – сказал Хавьер.

– Эй, – воскликнул Монро, – у тебя по крайней мере случился опыт работы с «Анимусом».

Затем он открыл дверь.

– Но теперь вам пора.

– Погоди, – сказал Оуэн.

Странные действия Монро объяснялись тем, что он совершенно очевидно пытался избавиться от них. Ребята в школе доверяли ему, потому что он был крутым, такой бунтарь, да еще и айтишник, и он закрывал глаза на многое, что они делали со школьными компьютерами и онлайн. Он всегда был спокойным, но сейчас выглядел психованным.

– Правда, что сейчас произошло? – спросил Оуэн.

– Ничего, – ответил Монро и вытолкал их на лестницу. – Просто всплеск адреналина. Я немного испугался.

Хавьер вышел первым и первым ступил на землю.

– Погоди, нам что, угрожала опасность?

Оуэн вышел из автобуса следом и обернулся к Монро. Тот потер лоб:

– Возможно. Но я думаю, что я вовремя вас вернул.

– Вы думаете? – переспросил Оуэн.

– Я это сделал, – сказал Монро. – Я вытащил вас вовремя.

Теперь уже Оуэн поймал себя на том, что начал психовать, но лишь слегка, задаваясь вопросом, могла ли машина каким-то образом повредить его мозг.

– Просто идите домой. Быстро, – сказал Монро. – С вами все будет в порядке.

Затем он захлопнул дверь. Оуэн и Хавьер остались стоять снаружи, оба молчали. Они лишь посмотрели друг на друга и затем – на автобус. Завелся мотор и загорелись все фары – бледный дальний свет и красные габариты светили сквозь внезапно возникшее облако выхлопного газа. Механизм зарычал и автобус тронулся с места. Оуэн и Хавьер отошли, когда Монро выруливал с парковки. Затем он медленно уехал, оставив их одних в промзоне.

– Что это, на хрен, такое было? – спросил Хавьер. – Куда он поехал?

– Не знаю, – ответил Оуэн.

– Чего он так распсиховался?

– Прежде чем покончить с симуляцией, он кое-что спросил.

Хавьер поежился:

– Это было странно, чувак.

– Что именно? Монро? Или «Анимус»?

– И то, и другое. Вообще все. И «Анимус». Я имею в виду, это было какое-то сумасшествие, нет?

– Да, – ответил Оуэн. – С ума сойти.

Хавьер сунул руки в карманы:

– Ладно, я лучше домой пойду.

– Давай, – Оуэну было интересно – после всего этого изменится ли между ними что-то завтра в школе? – Я тоже пойду.

Они разошлись. Оуэн возвращался домой на тех же автобусах, но теперь идти пешком пришлось гораздо дольше, потому что последний из них уже перестал ходить до утра. К моменту, когда он добрался до дома бабушки с дедушкой, на краю темного неба уже забрезжил свет, и этого было достаточно, чтобы сказать, что ночь подошла к концу. Но все равно было еще слишком рано для того, чтобы кто-то проснулся. Тем не менее, во всех комнатах горел свет.

Глава 5

Его бабушка с дедушкой и мать не спали, они сидели за кухонным столом. Бабушка – в своем пушистом халате цвета «розовый висмут», волосы под сеточкой завиты на бигуди. Дедушка был в какой-то наспех накинутой футболке и домашних штанах, а мать – полностью одета. Когда Оуэн вошел, они все уставились на него, а мать вскочила со стула и бросилась к нему, чтобы обнять за шею.

– О, слава богу! – воскликнула она. – Я думала, ты…

Она не закончила.

– Думала, я – что? – спросил Оуэн.

– Где ты был? – спросил дед, и его голос звучал чуть более жестко, чем днем в мастерской.

– Просто на улице, – ответил Оуэн.

– Что ты там делал? – продолжил дед.

– Гулял, – сказал Оуэн.

Бабушка вздохнула, уперлась локтями в стол и потерла глаза.

– Гулял, значит, – сказал дед.

– Да, – ответил Оуэн. – Просто гулял.

– Ладно, теперь ты дома, – сказала мать.

Оуэн попытался улыбнуться:

– Простите, что заставил вас волноваться.

Она еще раз обняла его, прежде чем отпустить.

– Думаю, нам всем лучше лечь и попытаться хоть немного поспать. Тебе утром в школу, а мне – в первую смену.

Но дедушка продолжал сидеть. Раскинув руки, словно крылья, он воскликнул:

– Это все? Все, что ты можешь сказать по этому поводу?

– Папа, пожалуйста…

– Нет, – он покачал головой. – Нет. Это серьезно. Ты не знаешь, чем он…

– Я знаю, что он пришел домой целый и невредимый, – сказала мама. – Вот что важно.

– Важно не только это, – дедушка посмотрел Оуэну прямо в глаза. – Важно, что он делал на улице в такое время. Ты не должна допускать, чтобы это так просто сошло ему с рук. Ты не должна…

– Это мой сын, – ответила мать. – И я воспитываю его по-своему.

– Ты живешь под нашей крышей, – заявил дед. – И, если ты помнишь, он – не единственный парень в этой семье, который болтался где-то по ночам. Я, например, не хочу, чтобы прошлое повторилось.

Это остановило маму Оуэна, и она, похоже, забыла все, что готова была сказать в его защиту. Оуэн четко видел, что он снова остался сам по себе.

– Ты раскусил меня, дед, – сказал он. – Я ходил грабить банк.

Бабушка со стуком опустила руки на стол. Дед выпучил глаза, а мать вздохнула.

– Да, – продолжил Оуэн. – Знаешь, у меня было прямо непреодолимое желание это сделать. Похоже на то, когда тебе очень хочется гамбургер или типа того. Мне прямо необходимо было ограбить банк, как будто это инстинкт. Но не волнуйся – на обратном пути я отдал деньги в детский дом. Я такой типа Робин Гуд.

– Оуэн, прошу тебя, – сказала мать, – ты так лучше не сделаешь.

– Ты тоже, – ответил он.

– Не говори с матерью подобным тоном! – воскликнул дед, указав пальцем прямо на Оуэна. – Прояви хоть немного уважения.

– Уважения? – сказал Оуэн. – Я даже не знаю, что вы имеете в виду под этим словом.

– Нет, ты знаешь, – ответил дед. Он встал, и послышался скрип стула, который он оттолкнул икрами, и стола, в поверхность которого уперся кулаками. – Как минимум, я пытался научить тебя уважению.

– Как? – спросил Оуэн. – Постоянно поливая дерьмом моего отца?

В разговор вступила бабушка.

– Мы просто говорили правду…

– Это не правда! – крикнул Оуэн.

– Это правда, – ответила бабушка, понизив голос до шепота. – Твой отец был игроком, у него была зависимость, и никто из нас о ней не знал. Он собрал команду своих старых друзей и ограбил банк. Он застрелил ни в чем не повинного охранника, у которого дома остались жена и двое детей. Твоему отцу повезло, что его не приговорили к смерти.

– Считай, приговорили, – сказал Оуэн.

Ее губы сжались.

– Мы не хотели, чтобы ты не любил своего отца. Но мы хотели бы, чтобы ты был честен сам с собой насчет него.

Оуэн и был честен. Поэтому он и не поверил ни единому слову из того, что она только что сказала. Было просто невозможно, чтобы его отец совершил все эти поступки. Совершил – и думал, что это будет легким выходом. Горькой правдой было то, что отца подставили его друзья.

– Если говорить о честности, – сказал дед, – я все еще хочу знать, чем ты занимался. Не строй из себя умника, просто скажи мне. Поскольку мне не нравится ни одна мысль из тех, что приходят мне в голову, о том, что ты делал в такой поздний час.

Оуэн решил, что единственным верным решением будет рассказать им часть правды.

– Я встречался с Хавьером.

– С этим бандитом? – спросил дед. – Зачем?

– Он не бандит, – сказал Хавьер, испытывая его терпение. – Я… нам нужно было кое-что обсудить.

– Что именно? – поинтересовалась бабушка.

– Вещи, связанные с моим отцом, – ответил Оуэн. – Вещи, о которых я, видимо, не могу поговорить ни с кем из вас.

Это заставило их замолчать на пару мгновений, поскольку после всего, что они только что сказали, у них не было вариантов продолжить этот спор.

– Спасибо, что признался нам, – сказала мать. Оуэн поежился.

– Ну да. Вы не оставили мне особого выбора, так ведь?

– В другой раз просто предупреждай нас, когда куда-то собираешься, – сказал дед. – Я признаю, что тебе нужен кто-то из ровесников, с кем можно поговорить. Я уважаю твою личную жизнь. Но мы хотим быть уверены, что ты в безопасности.

– Хорошо, – ответил Оуэн.

– И помни, о чем я тебе говорил, – дед подошел к Оуэну и положил руку ему на плечо. – Потерять голову легко, так что будь осторожен. Ладно?

– Ладно.

После этого Оуэну наконец позволили уйти в свою комнату, где он так и не смог уснуть.

Утром Хавьер ждал его возле школы. Оуэн был немного удивлен, но рад тому, что этот опыт с «Анимусом», возможно, помог восстановить хотя бы часть былой дружбы.

– Дома все было нормально, когда ты вернулся? – спросил Хавьер.

– Они меня ждали, – ответил Оуэн. – Я уверен: мать думала, будто я сбежал из дома. Но уже все нормально.

– Ждали тебя? – Хавьер присвистнул. – Чувак, если бы меня мать поймала, я бы сейчас тут не стоял – это я точно могу сказать. Она так психует – боится, что я свяжусь с какой-нибудь бандой, как мой брат.

Они развернулись и пошли к входу в школу.

– Как дела у твоего брата? – спросил Оуэн.

– Из тюрьмы вышел. Пытается не нарваться на неприятности.

– А отец?

Когда Оуэн и Хавьер общались более тесно, Хавьер рассказывал, что никогда не был достаточно упорным и трудолюбивым, чтобы угодить отцу, который начал жизнь, имея гораздо меньше, чем он.

– Да все так же, – ответил Хавьер. – А твой дед?

– Все так же.

Они прошли сквозь главный вход в фойе, где ученики сидели и завтракали или просто, сбившись в группы, болтали перед занятиями. С потолка свешивался огромный плакат с символом школы – викингом в шлеме с крыльями. Хавьер говорил, что викинги на самом деле никогда таких не носили.

– Я хочу поговорить с Монро, – сказал Хавьер. – Ты пойдешь?

– О прошлой ночи?

– Да, хочу выяснить, почему он нас выдернул оттуда.

Они пересекли фойе и поднялись по лестнице на второй этаж. Оттуда они пошли в компьютерный класс и постучали в дверь, но открыл совсем другой человек – какой-то лысоватый мужик в очках, клетчатой рубашке и штанах цвета хаки.

– Где Монро? – спросил Оуэн.

– Понятия не имею, – ответил мужчина. – Вчера оставил сообщение, что он уходит.

– Уходит? – переспросил Хавьер.

Мужчина кивнул.

– Даже не отработал две недели. Я теперь его заменяю, – он оглянулся через плечо. – Если честно, до сих пор пытаюсь понять, чем он тут занимался. Вам что-то нужно?

– Нет, – ответил Оуэн. – Нет, все в порядке.

– Хорошо, – мужчина повернулся и пошел к бывшему столу Монро.

Хавьер и Оуэн переглянулись. Хавьер кивнул на дверь. После того, как они отошли на некоторое расстояние, он сказал:

– Это становится странно.

– Я вижу.

– Как ты впервые связался с Монро?

– Да как-то само получилось. Какой-то парень сказал, что у него есть консоль «Анимус», и он иногда разрешает школьникам ею пользоваться. Ни у кого из моих знакомых ее не было, и я спросил его, могу ли я тоже ее использовать. Он сказал мне, куда приходить и когда.

– А теперь он смылся. И у него есть наши ДНК, как и ДНК других учеников.

– Ты о чем?

– Пока не знаю. Но я уверен, он что-то замышляет.

Оуэн даже представить себе не мог, что мог замышлять Монро, и было похоже, что им никогда не удастся это выяснить. Звонок прозвенел прежде, чем они смогли продолжить разговор. Хавьер оглянулся на проходивших мимо учеников, спешивших в классы, и внезапно опять превратился в того нового Хавьера, которого Оуэн не знал.

– Думаю, еще увидимся, – сказал он, как бы заканчивая разговор.

– Увидимся, – сказал Оуэн, осознавая, что ничего уже не будет как раньше – как он на это надеялся. Хавьер ушел. Оуэн отправился в класс.

Остаток дня он провел, думая о том, что стало с Монро. Он проработал в школе всего год, и кто знает, чем он занимался до этого. Когда-то работал на «Абстерго». То, как он выдернул их из симуляции, а потом резко уволился с работы, заставило Оуэна согласиться с Хавьером: что-то здесь определенно нечисто.

А вот обстановка у Оуэна дома, как ни странно, заметно улучшилась. Когда он вернулся, бабушка выключила телевизор и спросила, не сделать ли ему сэндвич. Затем она сидела с ним на кухне, пока он ел, рассказывала о своих делах в саду и спрашивала, как прошел его день. Затем деду понадобилось съездить в магазин автозапчастей. Оуэн поехал с ним, и на обратном пути они взяли по молочному коктейлю.

Выглядело все так, будто бабушка и дедушка чувствовали себя неловко из-за чего-то и пытались до него это донести. Когда они вернулись домой, дедушка сказал:

– Мы завтра собираемся к твоей двоюродной бабушке Сьюзи. Ей сделали операцию, и мы на ночь останемся с ней.

Оуэн шумно допил через трубочку остатки своего карамельного коктейля.

– Окей.

– Тебе придется побыть одному, пока мама не вернется с работы.

– Хорошо.

До сих пор Оуэн много раз оставался один. Судя по всему, его ночное отсутствие серьезно задело их.

– Мама работает в вечернюю смену, – напомнил дед.

– Со мной все будет в порядке.

– Вот и ладно.

Отца Оуэна тем вечером ни разу не поминали, впрочем, как и школьные отметки. Впрочем, не усилилась и конфронтация, обозначившаяся было накануне утром, хотя никто ни за что так и не извинился. Вернувшись с работы, мать молча изо всех сил обняла Оуэна, при этом ее усталые печальные глаза излучали тихое отчаяние. Оуэн осознал, что ничего толком не изменилось. Его жизнь осталась такой же, как и была. Но теперь у него не было и того, что он ранее считал последней возможностью.

На следующий день по дороге в школу Оуэн почувствовал, что его кто-то преследует. Сначала он подумал, что это дедушка следит за ним, но, обернувшись, Оуэн не заметил ничего особенного среди пешеходов и обычного уличного движения. Он знал, что дед не может быть таким ловким. Но острое ощущение чьего-то взгляда, который он чувствовал затылком, не покидало его до тех пор, пока он не добрался до школы.

Монро все еще был неизвестно где. Может, и к лучшему. Оуэну нужно было каким-то образом найти новый способ доказать невиновность отца – без помощи генетической памяти. Прежде чем прибегнуть к помощи «Анимуса», Оуэн писал в разные правоохранительные органы, которые были причастны к ложному обвинению, но все они отклонили его обращения. Ему ответили, что юристы тратят время и силы на то, чтобы вытащить из тюрьмы живых клиентов, а не реабилитировать умерших за решеткой.

Отношения с Хавьером немного улучшились, но не сильно. Когда Оуэн встретил его в коридоре на второй перемене, Хавьер кивнул и сказал «привет», но он был в компании других друзей и не остановился, чтобы поговорить. Зато догнал Оуэна после школы, когда тот шел домой.

– Эй, известно что-нибудь про Монро?

Оуэн помотал головой:

– Не думаю, что он вернется.

– Как будто убегает от кого-то.

– Мне показалось, что утром за мной кто-то следил, – сказал Оуэн.

– Мне вчера тоже показалось, – ответил Хавьер. – Что происходит?

– Не знаю.

– Я подумал вернуться в промзону, осмотреть все при свете дня. Пойдешь со мной?

– Прямо сейчас?

Бабушки и дедушки Оуэна не было дома. Если ему удастся вернуться до того, как мать придет со смены, все будет в порядке.

– Хорошо, пойдем.

Они пошли в другом направлении и дошли до автобусной остановки. Оттуда они двинулись по большей части тем же маршрутом, по которому Оуэн ехал пару ночей назад, и вскоре добрались до промзоны. Это место выглядело чуть менее заброшенным, чем в тот день, когда они пришли туда в темноте. Там и тут были припаркованы еще несколько транспортных средств – в основном грузовики, а некоторые склады и другие постройки все еще использовались, хотя бы частично. Они нашли место, где стоял автобус Монро, там, где его толстые шины примяли траву и оставили следы на гравии. Они осмотрели это место, но так и не нашли никаких улик. Хавьер пнул землю, разбросав камни:

– Что мы здесь делаем?

– Не знаю, – ответил Оуэн, – это была твоя идея.

Хавьер сделал несколько шагов, снова пнул гравий.

– Я хочу вернуться туда.

– В «Анимус»? Зачем?

– Посмотреть, что они делали потом.

– Кто?

– Чимальпопока, мой предок. Он же просто прогнулся, чувак. Пришел Кортес, и он просто переметнулся.

– Похоже, так все делали с Кортесом. Он…

– Нет, ты не понял, – Хавьер остановился, сжал кулак и ударил свою же ладонь, – я, то есть он же был совершенно готов к смерти. Он был воином, он был верен себе. Но потом он просто сдался без боя.

Оуэн готов был поклясться, что это задевало Хавьера за живое где-то внутри, но они не были уже достаточно близкими друзьями, чтобы он мог знать наверняка, о чем именно идет речь.

– Почему тебя это волнует? Это было сотни лет назад.

– Думаешь, я не знаю? Но это *не ощущается* как сотни лет назад. Это было как будто пару ночей назад, – Хавьер тряхнул головой. – Забудь, пойдем домой.

– Хавьер…

– Увидимся позже, – он удалился прежде, чем Оуэн смог что-то сказать.

Оуэн проследил, как он уходит, затем снова осмотрелся вокруг и тоже двинулся к дому. Его мать еще не скоро вернется, так что он решил проделать часть пути пешком, позволив мыслям и ногам бродить по улицам. Но в какой-то момент он взглянул вверх и понял, что его прогулка может быть не такой уж бесполезной, как ему казалось. Банк, в ограблении которого обвинили его отца, находился всего в двух кварталах отсюда.

Оуэн повернул к нему.

До сих пор он бывал там всего раз, да и то проездом. Его мать и бабушка с дедушкой сидели в машине в гробовом молчании, проезжая мимо него, как мимо вырытой могилы. Тогда банк показался Оуэну зловещим, и казался таковым до сих пор. Он был таким блестящим и современным, сплошь темное стекло и острые углы. Банк занимал первый этаж офисного здания, его окна украшал темно-красный логотип «Мальтийской банковской корпорации» и плакат с информацией о процентных ставках.

Оуэн вошел в холл с серым мраморным полом и ничем не примечательным ковром, с запахом бумаги и легким движением воздуха от работающего кондиционера. Операторы

молча работали за кассами, клиенты стояли в очереди. Ничто и не напоминало об ограблении и об убийстве охранника – никакого эха от выстрелов. Для этого банка жизнь просто продолжила идти своим чередом – для банка и для всех, кто здесь находился, и для их денег. Они вкладывали и снимали деньги так, будто жизнь Оуэна не полетела под откос из-за событий, которые тут произошли.

Внезапно холл показался маленьким и тесным, а прохладный воздух – затхлым. Оуэн развернулся и вышел на улицу. Он перешел дорогу и сел на скамейку напротив банка. Он сидел и изучал его, разглядывал входивших и выходивших людей, пока банк не закрылся и охранники не заперли двери. Было 5 часов 17 минут – время, в которое его отец, как говорят, появился из туалета, где он прятался. В 5:24 прозвучал первый выстрел, в 5:27 охранник скончался от кровопотери. Оуэн до сих пор помнил каждый пункт во временной последовательности, составленной обвинителем, точно так же он мог вспомнить каждый зернистый черно-белый кадр с грабителем в маске, снятый камерой видеонаблюдения. Все вокруг погружалось в сумерки, а Оуэн все сидел на скамейке, снова и снова проигрывая в голове последовательность событий, выискивая какое-нибудь несоответствие, которое он упустил из виду. Что-нибудь, что упустили прокурор и адвокат. Что-то, что дало бы присяжным разумный повод усомниться. Но он так ничего и не нашел. Опять.

Стемнело, и уличный поток пешеходов превратился в тонкую струйку. Оуэн решил, что уже поздно. Он потерял счет времени, витая в собственных мыслях, и понял, что пора возвращаться домой. Он поднялся со скамейки, бросил последний взгляд на банк и поспешил к остановке, но разминулся с автобусом на пару минут. Вместо того, чтобы дождаться следующего, он решил срезать путь до соседней улицы по переулку и сесть на другой маршрут, который довез бы его до дома до прихода матери.

Переулок был узкий, местами загроможденный кучами мусора, грудами деревянных поддонов и мотками проводов. Примерно на полпути у Оуэна снова появилось чувство, что за ним следят, как будто кто-то шел за ним по переулку. На этот раз, обернувшись, он увидел силуэт человека, молча двигавшегося прямо к нему.

Глава 6

Сначала Оуэн решил бежать. Потом – обратиться к незнакомцу и потребовать, чтобы тот назвался. У него мелькнула мысль и о том, чтобы просто спрятаться где-нибудь в переулке. Но в данный момент все эти действия выглядели бы как чрезмерная реакция на происходящее. Наверное, это был просто человек, который хотел так же, как и Оуэн, срезать путь до соседней улицы. Поэтому в итоге Оуэн решил сохранять спокойствие и идти дальше, но ускорил шаг, чтобы оставаться впереди незнакомца.

Но он не успел отойти достаточно далеко – шаги за его спиной тоже ускорились, приближаясь, и эхо от них будто ползло вверх по спине и поднималось над головой. Инстинктивно Оуэн бросился бежать, не оглядываясь. Барабанная дробь шагов его преследователя участилась, чтобы соответствовать новому ритму. В этот момент Оуэн понял, что должен убираться прочь, и припустил со всех ног.

– Оуэн! – позвал незнакомый голос. – Все в порядке! Оуэн, стой!

Оуэн не останавливался, пока не выбрался из переулка на залитый уличным светом тротуар ближайшего проспекта. Вокруг было несколько человек, все еще работали пиццерия и винный магазин. Оуэн почувствовал себя достаточно безопасно, чтобы обернуться, дождаться своего преследователя и выяснить, кто это такой и откуда он знает его имя. Мгновение спустя появился человек в сером костюме, на котором были заметны грязные пятна – следы прогулки по темному переулку. Он выглядел молодо, с коротко подстриженными каштановыми волосами и округлыми чертами лица. Встретившись взглядом с Оуэном, он вздохнул, кивнул и подошел к нему.

– Спасибо, что подождал, – сказал он. – Я…

– Кто вы? – спросил Оуэн. – Почему вы преследуете меня?

Мужчина оглянулся, но он не просто осматривался по сторонам – его взгляд, кажется, был направлен вверх, на крыши и пожарные лестницы.

– Может, пойдем куда-нибудь, где можно поговорить с глазу на глаз?

– Я никуда с вами не пойду.

– Прекрасно, – сказал мужчина. – Тогда буду краток. Недавно ты общался с человеком по имени Монро, не так ли?

– С кем? – спросил Оуэн, подумав, что все это может быть как-то связано с исчезновением Монро.

– Он дал тебе доступ к «Анимусу», правильно?

– Что за «Анимус»?

«Откуда, мать его, этот мужик так много знает?» – подумал Оуэн.

– Так кто вы такой?

– Монро использует краденое оборудование, – ответил мужчина. – Мы пытаемся вернуть его. Твое содействие будет очень ценным.

Этот мужик работает на «Абстерго»? С одной стороны, это объясняет, как Монро заполучил «Анимус», с другой стороны, объясняет и исчезновение Монро.

– К сожалению, ничем не могу помочь, – сказал Оуэн. Он доверял Монро больше, чем этому парню. – Слушайте, мне нужно идти.

Он развернулся и пошел прочь от незнакомца.

– Уже поздно, меня мать ждет.

– Я видел тебя около банка, – сказал мужчина, особо выделив последнее слово.

Оуэн остановился и медленно обернулся.

– Мы могли бы помочь тебе с твоей проблемой, – продолжил незнакомец, – если ты поможешь нам с нашей.

– Да? А какая у меня проблема?

– Ты уверен, что твой отец невиновен.

Его слова повергли Оуэна в шок и на какой-то момент выбили из равновесия, он не знал, что ответить.

– Мы могли бы помочь тебе узнать правду о том, что случилось тем вечером, – сказал мужчина.

– Вы о чем? – Оуэн повысил голос и шагнул ему навстречу. – Что вы знаете о моем отце?

– Всему будет объяснение. Но ты должен пойти… – мужчина вздохнул. Он поморщился и поднял руку, как будто хотел смахнуть муху с лица. Затем он задрожал, глаза закатились, и он рухнул на землю. Из его шеи торчал маленький дротик. Пару секунд Оуэн смотрел на него в смятении. Затем его глаза расширились и он взглянул вверх – на здания вокруг, на их бесчисленные темные окна и погруженные в тень выступы. Дротик прилетел откуда-то оттуда, и Оуэн разрывался между тем, чтобы склониться и помочь незнакомцу или рвануть в укрытие. В этот самый момент из-за угла вырулил мотоцикл. Его двигатель рычал необычным глубоким ревом, словно огромное насекомое. Он подъехал к Оуэну, весь гладкий и черный, и с визгом затормозил прямо перед ним. Затем водитель откинул визор шлема, открывая знакомое лицо.

– Монро? – воскликнул Оуэн.

– Залезай, – сказал Монро. – Сейчас же.

Он вытащил второй шлем и бросил Оуэну в живот.

– Но…

– Сейчас же!

Оуэн запрыгнул на мотоцикл позади Монро и натянул шлем, Монро нажал на газ. Мотоцикл помчался по улице, и Оуэн смотрел, как мимо проносятся здания. Визор шлема «проснулся», включив внутренний дисплей, отображающий координатную сетку, движущиеся мишени и показания приборов, которые Оуэн не понимал. Голос Монро прозвучал у него прямо в ухе через наушник шлема:

– Включить размытие.

– Включить что? – спросил Оуэн.

Картинка перед глазами заглючила так, будто он вернулся в «Анимус». Впереди последовательно появились изображения мотоцикла, которые затем сместились вбок. Оуэн оглянулся и увидел тянущийся за ними след, развернувшийся вдоль дороги, словно кадры замедленного фильма.

– Размытие включено, – произнес компьютерный женский голос в ушах у Оуэна.

– Что это? – спросил он.

– Голографическая проекция, – ответил Монро, притормаживая на углу. – Чтобы нас было труднее достать.

Он снова добавил газу, и мотор зарычал с новой силой, когда они рванули вперед.

– Сканировать призрачные сигналы, – произнес Монро.

– Сканирую, – ответила компьютерная женщина.

– Призрачные сигналы? – спросил Оуэн.

– Сигнал обнаружен.

– Подготовься и синхронизируйся, – сказал Монро.

Внешний слой визора отъехал в сторону, и Оуэн сумел разглядеть мерцающую фигуру, которая двигалась на периферии зрения. Он провернулся в ее сторону и увидел размытый силуэт мужчины, который невероятно быстро преследовал их на фоне темнеющего города. Фигура перепрыгивала с крыши на крышу и, казалось, цеплялась даже за отвесные стены, следуя за Монро и Оуэном.

– Как?.. – проговорил Оуэн. – Кто это?

– Позже объясню. Просто следи за ним, пока я пытаюсь оторваться.

Он резко швырнул мотоцикл за угол, потом за другой, поворот за поворотом, но призрачный сигнал все еще оставался с ними, быстро несясь по крышам домов. В какой-то момент фигура даже опередила их и притормозила. Оуэн представил себе, что преследователь целится в них из того самого оружия, которое послало дротик в того парня из «Абстерго».

– Осторожно! – крикнул он Монро.

– Я вижу. Держись, – Монро затормозил и заложил такой резкий вираж, что Оуэн чуть не слетел с мотоцикла. Затем он рванул в противоположном направлении, пробуксовав на асфальте, а мимо мелькнул знак выезда на скоростную автостраду. Оуэн его заметил.

– Там мы сумеем от него оторваться?

– Попытаться стоит, – ответил Монро.

Он вырулил на полосу для разгона и наконец позволил мотоциклу показать все, на что тот способен. Переднее колесо то и дело взлетало над асфальтом, когда они неслись по дороге. Оуэн продолжал краем глаза следить за мерцающей фигурой, которая постепенно отставала все сильнее и сильнее, становясь все меньше, пока окончательно не исчезла.

– Призрачный сигнал утерян, – проговорил компьютерный голос.

– Нам повезло, – сказал Монро. – Он и сам мог быть на колесах.

– Что это был за мужик? – спросил Оуэн.

– Сказал же, потом объясню…

– Объясните сейчас! – крикнул Оуэн.

Монро вздохнул.

– Это был ассасин. Ты больше не в безопасности.

Оуэн почти рассмеялся при мысли о том, что противник целился в него, но затем вспомнил дротик в шее этого парня из «Абстерго».

– Что с Хавьером? – спросил Оуэн.

– Я уже подхватил его. Мы едем туда.

– Куда?

– Увидишь.

Оуэн решил пока оставить собеседника в покое и сосредоточиться на том, куда они направлялись. Через несколько перекрестков Монро выехал на кольцевую дорогу и проехал по широкой дуге вдоль городских окраин, а затем свернул на шоссе возле доков. Они промчались мимо завода, а затем въехали в район складов, похожих на те, что были в промзоне на другом конце города – с той лишь разницей, что это место выглядело лучше отремонтированным и более часто используемым. Но в вечернее время оно было безлюдным. Монро выключил фары и подъехал к небольшому зданию, скрывавшемуся между двумя более массивными постройками. Затем при помощи дистанционного управления открыл роликовую дверь. Он направил мотоцикл сквозь проем, похожий на вход в пещеру, и закрыл дверь. Они оказались заперты в полной темноте. Монро заглушил мотор и слез с мотоцикла.

– Посиди секунду.

Дисплей внутри визора погас, и Оуэн остался ждать Монро, который исчез из поля его зрения. Мгновение спустя наверху зажегся свет, заполняя пространство вокруг Оуэна холодным флуоресцентным сиянием. Помещение склада было просторным и пустым, если не считать припаркованного винтажного автобуса с «Анимусом». Монро вернулся, держа свой шлем в руках. Оуэн стащил свой и слез с мотоцикла. Вблизи и при свете транспортное средство выглядело так, будто было предназначено для передвижения не только по земле, но и по воздуху. Весь изогнутый и скругленный, мотоцикл казался чем-то таким, что было

разработано специально, чтобы быть абсолютно невидимым. Когда-то Оуэн вместе с отцом катался на мотоцикле для бездорожья, и это было нечто совершенно иное.

– Ну, – сказал он, – это все очень по хайтеку.

Он положил шлем на сиденье.

– Полагаю, у «Абстерго» есть что сказать на этот счет.

– Очень даже вероятно, – Монро бросил ключи в свой шлем и положил его рядом со шлемом Оуэна. – Ладно, пойдем к остальным.

Монро говорил и двигался с такой скоростью, которой Оуэн никогда не замечал за ним.

– К остальным?

Монро не ответил, вместо этого он направился к узкой лестнице, ведущей к двери на втором этаже. Оуэн последовал за ним, и их шаги по рифленым металлическим ступенькам отдавались грохотом. Когда они подошли к двери, Монро ввел код на электронном замке, и дверь с щелчком отворилась.

– Сюда, – сказал он.

Они вошли в коридор, на полу которого лежал пятнистый линолеум, а гипсокартонная стена была оштукатурена, но не покрашена. Монро провел Оуэна сквозь несколько дверей к еще одной, запирающейся на кодовый замок. Когда он ввел код и открыл ее, Оуэн почувствовал легкое дуновение прохладного, отдающего озоном воздуха и услышал гудение компьютеров и переговаривающиеся голоса.

– Мы пришли, – сказал Монро, отходя в сторону. Жестом он предложил Оуэну пройти.

Оуэн вошел в просторную, находящуюся в беспорядке комнату с несколькими освещенными участками, разбросанными по полу, и темными пятнами между ними. Голоса, которые он услышал, доносились от большого кофейного стола, сделанного из черного стекла, вокруг которого стояли несколько диванов и кресел. Их занимали несколько подростков примерно одного с Оуэном возраста, и Хавьер был среди них.

– Давай мы тебя представим, – сказал Монро, догнав Оуэна и повернувшись к остальным. Оуэн последовал за ним, и они вошли в освещенную зону. Все замолкли, а Хавьер поднялся.

– У вас получилось, – сказал он воодушевленно. – Ты в порядке?

– Да, – ответил Оуэн, – в порядке. Что это?

– Спроси его, – сказал Хавьер, кивая на Монро. – Тут всё его.

Монро откашлялся.

– Леди и джентльмены, это Оуэн. Оуэн, с Хавьером ты уже знаком. Это Грейс и ее брат Дэвид, – он указал на девушку с темно-коричневой кожей и мягкой улыбкой. Ее кудрявые волосы были забраны назад. Рядом с ней сидел и улыбался мальчик помладше, худощавый, в очках в белой оправе. Оба они были хорошо одеты – в дизайнерских джинсах, какие никогда не были по карману матери Оуэна.

– А это Наталия, – сказал Монро, указывая на девушку с оливковой кожей и несколько азиатскими глазами. Ее каштановые волосы отливали бронзой. Она была одета в простую темно-синюю толстовку поверх белой футболки и приветствовала Оуэна кивком, сохраняя отсутствующее выражение лица.

– И, наконец, – сказал Монро, указывая на парня, сидевшего в инвалидной коляске, которого Оуэн только что заметил, – это Шон.

– Приятно познакомиться, Оуэн, – сказал парень в коляске. У него были короткие рыжеватые волосы, бледная кожа с веснушками и крупные плечи и руки.

– Рад знакомству, – ответил Оуэн. Затем он повернулся к Монро. – Что мы тут делаем? Да, вы мне так и не рассказали про этого ассасина.

– Ассасина? – спросил Хавьер.

Монро поднял руки и сделал движение, как будто разминает шею.

– Просто успокойся на минутку, ладно? Я все объясню…

– У меня нет минутки, – сказал Оуэн. – Я должен идти домой. Я имею в виду, моя мама в опасности?

– Нет, – ответил Монро. – Это я могу тебе гарантировать.

– Как? – спросил Оуэн.

– Она невиновна, – сказал Монро. – Это нарушило бы принципы Кредо.

– Какого кредо? – спросил Хавьер.

– Кредо ассасина, – сказал Монро. – Я забегаю вперед. Оуэн, Хавьер, пожалуйста, сядьте.

Оуэн и Хавьер переглянулись, а затем медленно уселись на диван.

– Сейчас, – сказал Монро, – если не считать Оуэна с Хавьером и, конечно, Грейс с Дэвидом, никто из вас друг с другом не знаком. Вы из разных школ, из разных районов, у вас разное происхождение. Но у вас есть кое-что общее. Это ваша ДНК. Вы все использовали мой «Анимус», и правда в том, что я искал вас.

– Зачем? – спросил Шон.

Монро наклонился и вытащил маленький планшет из слота в кофейном столе. Он провел по экрану, что-то напечатал, и над черной стеклянной поверхностью появилось трехмерное изображение шириной почти в весь стол. Оно медленно вращалось вокруг своей оси, и в разных местах его поверхности пульсировало множество сияющих точек.

– Вау, – произнес Дэвид, поправляя очки. – Это круто.

– «Абстерго» небось вас ненавидит, – сказал Оуэн.

– Поверь мне, этот столик полностью мой, – ответил Монро.

– Что это за точки? – спросила Грейс, наклоняясь вперед.

– События, – ответил Монро, – за всю историю.

– Что за события? – спросила она.

Монро расслабился, приняв свою обычную позу, с руками в карманах.

– Я вам сейчас расскажу весьма невероятные вещи. Но вы должны мне поверить. Клянусь, все это правда.

Он обошел вокруг стола, периодически поглядывая на трехмерное изображение земного шара.

– Две стороны ведут тайную войну за судьбу человечества с самого начала известной нам истории. Может, даже дольше. Эти организации являются наследственными, сейчас они известны как Братство ассасинов и Орден тамплиеров.

– Тайные общества? – удивился Шон. – Вы серьезно?

– Оглянитесь вокруг, – продолжил Монро. – Все это кажется вам серьезным?

– Так этот ассасин, который гнался за нами, – сказал Оуэн, – он из Братства?

– Да, – ответил Монро.

– Зачем он убил мужика из «Абстерго»? – спросил Оуэн.

– «Абстерго» – это прикрытие для тамплиеров, – объяснил Монро.

Оуэн вспомнил, о чем незнакомец говорил прежде, чем его свалил дротик асассина. Он упомянул отца Оуэна, и Оуэн задался вопросом, имел ли его отец какое-нибудь отношение к этой тайной войне.

– Эти точки, – пояснил Монро, – представляют собой известные события, людей или места, связанные с конфликтом между ассасинами и тамплиерами.

Он поднял руку и дотронулся до одной из точек, мигающих на Апеннинском полуострове. Как только он это сделал, возникла вторая картинка – человек в расшитом жилете со свободными рукавами и в плаще с капюшоном, скрывающим его лицо.

– Это Эцио Аудиторе, аристократ XV века и, вероятно, один из величайших ассасинов в истории. Но Братство ведет свое начало в Италии с более древних времен, его корни восходят к Liberalis Circulum.

Он закрыл соответствующее окно, сделал пару шагов и коснулся точки на Ближнем Востоке. На открывшемся изображении была горная крепость.

– Некогда это был оплот Братства ассасинов, но его уничтожили монголы в Средние века – в отместку за убийство Чингисхана.

Он закрыл окно и снова обошел вокруг земного шара, чтобы коснуться точки на восточном побережье США.

– Американская революция была не просто борьбой за независимость от английской короны. Это была война за души народа под влиянием двух противоборствующих сторон.

Монро открыл лишь малую часть неисчислимых сияющих точек. Если каждая из них олицетворяла то или иное событие тайной войны, то размах этого конфликт был поистине невероятным. Оуэн не мог просто выкинуть это из головы, поскольку видел ассасина в действии.

– За что они борются? – спросила Наталия. Это был первый раз, когда она заговорила, и ее голос был мягким, но в то же время сильным.

Монро провел по планшету, и изображение земного шара пропало.

– Чтобы ответить на этот вопрос, – сказал Монро, – позволь мне нарисовать картинку. Представь себе общество, которое трещит по швам. Процветает преступность, повсюду нищета, расовое неравенство, все в таком духе. Общество покатилось в ад. Есть два варианта действий, чтобы вернуть его с края пропасти. Первый предполагает, что люди, стоящие у власти, установят порядок в этом хаосе, чтобы силой формировать и вести общество к улучшениям. Второй – отдать власть в руки народа, позволить людям самим решить, какое общество они хотят построить, и поверить в лучшую сторону их природы. Какой из этих путей вы бы выбрали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.